

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»**

На правах рукописи

Вилинбахова Елена Леонидовна

**ЯЗЫКОВЫЕ ТАВТОЛОГИИ И ПРОТИВОРЕЧИЯ:
СТРАТЕГИИ ИНТЕРПРЕТАЦИИ
(НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО,
ИСПАНСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)**

Резюме

диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Санкт-Петербург 2022

Работа выполнена на кафедре общего языкознания им. Л. А. Вербицкой филологического факультета федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет».

Публикации

На защиту выносятся перечисленные ниже девять статей, которые входят в базы данных Scopus или WoS. Пять статей опубликованы в журналах, входящих в 1 квартиль в базе данных Scopus, две – в журналах, входящих во 2 квартиль в базе данных Scopus.

1. Вилинбахова Е. Л. Когда статья – это не статья: «отрицательные тавтологии» в русском языке // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Вып. 16, т. 2. 2017. С. 441–452. (Scopus без квартиля)
2. Вилинбахова Е. Л. Сопоставительные тавтологии в русском языке // Вопросы языкознания. Вып. 2. 2016. С. 61–74. (Scopus Q2)
3. Вилинбахова Е. Л. Статья значит статья: об одном классе тавтологических конструкций в русском языке // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Вып. 14, т. 1. 2015. С. 626–637. (Scopus без квартиля)
4. Escandell-Vidal V., Vilinbakhova E. Negated tautologies and copular contradictions: Interpretive strategies // International Review of Pragmatics. Vol. 11, № 2. 2019. P. 153–199. (Scopus Q2)
5. Escandell-Vidal V., Vilinbakhova E. Coordinated tautologies in Spanish and Russian // Intercultural Pragmatics. Vol. 15, № 3. 2018. P. 315–348. (Scopus Q1)
6. Vilinbakhova E., Escandell-Vidal V., Zevakhina N. Tautologies, inferential processes and constraints on evoked knowledge // Journal of Pragmatics. Vol. 191. 2022. P. 55–66. (Scopus Q1)
7. Vilinbakhova E., Escandell-Vidal V. Tautologies with proper names in discourse: Rhetorical relations and interpretation // Language and Communication. Vol. 76. 2021. P. 79–99. (Scopus Q1)
8. Vilinbakhova E., Escandell-Vidal V. Interpreting nominal tautologies: Dimensions of knowledge and genericity // Journal of Pragmatics. Vol. 160. 2020. P. 97–113. (Scopus Q1)
9. Vilinbakhova E., Escandell-Vidal V. “People are people to me” : The interpretation of tautologies with frame-setters. // Journal of Pragmatics. Vol. 143. 2019. P. 96–108. (Scopus Q1)

Результаты диссертационного исследования также представлены в следующих восьми публикациях:

10. Богуславский И. М., Вилинбахова Е. Л. Имена собственные в сфере действия метаязыкового отрицания // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Вып. 21. 2022. С. 132–140.
11. Вилинбахова Е. Л. Конструкции с лексическими повторами как эвиденциальные стратегии // *Verus convictor, verus academicus*. К 70-летию Николая Николаевича Казанского / под ред. М. Л. Кисилиера. СПб.: ИЛИ РАН, 2022. С. 100–109.
12. Вилинбахова Е. Л. Сравнительные конструкции с тождественными словоформами в русском языке // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Вып. 20. 2021. С. 1224–1232.
13. Вилинбахова Е. Л. Что будет, то (и) будет: об одном классе тавтологических конструкций в русском языке // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Вып. 17. 2018. С. 775–790.
14. Вилинбахова Е. Л., Копотев М. В. "X есть X" значит "X – это X"? Ищем ответ в синхронии и диахронии // Вопросы языкознания. Вып. 3. 2017. С. 110–124.
15. Вилинбахова Е. Л. Как говорится, статья есть статья: некоторые аспекты функционирования тавтологий в коммуникации // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Вып. 15. 2016. С. 817–829.
16. Вилинбахова Е. Л. К вопросу о тавтологической конструкции вида кошачья кошка в интернет-источниках (на материале русского языка) // *Acta Linguistica Petropolitana*. Труды института лингвистических исследований. Вып. VI. № 3. 2010. С. 26–30.
17. Escandell-Vidal V., Vilinbakhova E. Contexto, conocimiento compartido y acomodación. A propósito de la interpretación de las tautologías // *Boletín de Filología*. Vol. 57. 2022. P. 345–394.

Апробация работы

Основные положения и результаты исследования обсуждались в 2010–2022 гг. на 35 международных конференциях, в их числе:

- Международная конференция «Диалог» (2015, 2016, 2017, 2018, 2021, 2022);
- International Symposium on Intercultural, Cognitive and Social Pragmatics (EPICS) (2018, 2020, 2022);
- Simposio de la Sociedad Española de Lingüística (2022);
- Moscow HSE Pragmatics Workshop (2021);

- International Pragmatics Association Conference (IPRA) (2017, 2019, 2021);
- HSE Semantics and Pragmatics Workshop (2018, 2020);
- Stance, (Inter)Subjectivity, Identity in Discourse (2020);
- Annual meeting of the Slavic Linguistic Society (2020);
- Конференция-школа «Проблемы языка: взгляд молодых ученых» ИЯз РАН (2014, 2019);
- Конференция «Русский язык: конструкционные и лексико-семантические подходы» (2013, 2019);
- International conference “Comparative Approaches to Pragmatics” (2018);
- Constructional semantics: Cognitive, functional and typological approaches (2018);
- 15th Slavic Cognitive Linguistics Conference (2017);
- Международная научная филологическая конференция СПбГУ (2015, 2017);
- Lodz Symposium “New Developments in Linguistic Pragmatics” (2015, 2017);
- 7th International Conference on Intercultural Pragmatics and Communication (INPRA) (2016);
- Конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей (2010).

По теме диссертации было сделано 38 приглашенных, устных и стендовых докладов.

Исследования, вошедшие в диссертацию, были поддержаны региональными, национальными и международными грантами и стипендиями, в их числе:

- стипендия программы банка Сантандер для поддержки молодых ученых СПбГУ (2015, 2016);
- грант СПбГУ на проведение исследований в Национальном университете дистанционного образования (2016, 2017, 2018, 2019);
- грант Министерства экономики и конкурентоспособности Испании в рамках проекта Spiritim, FFI2015-63497-P (2016-2019);
- грант Президента РФ для молодых кандидатов наук МК-713.2017.6, проект «Теория стереотипов как инструмент лингвистического анализа (на материале конструкций с лексическими повторами в русском языке)» (2017-2018);
- грант Российского научного фонда 19-78-10048, проект «Структуры с лексическими повторами в свете современных лингвистических теорий» (2019-2022);
- грант университета Алькалы Гинер де Лос Риос (2020, 2022).

Исследования, вошедшие в диссертацию, были удостоены премии Европейской Академии для молодых ученых (2016) и премии СПбГУ «За научные труды» (2018).

1. Введение

Диссертация посвящена структурам с лексическими повторами, которые в настоящее время вызывают активный интерес исследователей, см. некоторые работы на материале русского языка [Шахматов 1941/2001; Шведова 1960; Wierzbicka 1991; Paillard, Плунгян 1993; Кобозева 1995; Плунгян, Рахилина 1996; Булыгина, Шмелев 1997; Israeli 1997; Левонтина 2003; Крючкова 2004; Падучева 2004; Апресян и др. 2010; Вилинбахова 2010 и след.; Гилярова 2010; Рахилина 2010; Шеманаева 2010; Апресян 2011; Воейкова 2011; Иомдин 2013, 2017; Зевахина, Оскольская 2014; Сатюкова 2015; Feldstein 2016; Копотев, Стексова 2016; Израэли 2018; Apresjan 2018; Баранов, Добровольский 2019; Богуславская 2019; Котта Рамузино 2019; Endresen 2019; Крюкова 2020; Урысон 2020; Janda et al. 2020; Mel'čuk 2020; Гаочэнь, Маркасова 2021; Tiskin 2021], а также более полную библиографию по ссылке <https://www.lexicalrepetitions.com/references>.

Нас интересуют структуры с лексическими повторами вида *Жизнь есть жизнь* и *Лето – это не лето*, в которых утверждается или отрицается тождество объектов самим себе. Хотя в своём буквальном значении такие высказывания неинформативны, они активно используются в речи, а слушатели с легкостью их интерпретируют. Следует отметить, что в литературе для обозначения данных структур используются различные термины: «тавтологии» и «тавтологические конструкции» [Падучева 1985, 2004; Воейкова 2011; Копотев, Стексова 2016; Израэли 2018], «биноминативные псевдотавтологические конструкции» [Апресян 1995], «"тавтологии"» с употреблением кавычек [Булыгина, Шмелев 1997], «контрадикторные аномалии» [Апресян 1995] и др. В нашей работе мы, во-первых, используем термин «(языковые) тавтологии», что согласуется с традицией, принятой в зарубежных исследованиях, см. [Grice 1975; Levinson 1983; Wierzbicka 1987; Fraser 1988; Escandell-Vidal 1990] и более поздние труды, а во-вторых, термины «отрицательные тавтологии» и «противоречия» для обозначения разных классов структур с повторами и отрицанием.

Статьи, которые включены в настоящую диссертацию, рассматривают тавтологии и противоречия в разных аспектах с привлечением современных лингвистических теорий, включая теории метаязыкового отрицания [Horn 1989; Burton-Roberts 1989; Carston 1996; Geurts 1998; Larrivéе 2018; Moeschler 2018], теории субъективности [Lasersohn 2005; Stephenson 2007; Stojanovic 2007; Moltmann 2010; Pearson 2013; Bylinina 2014, 2017; Umbach 2016; Solt 2018], теории интерпретации генерических высказываний [Lawler 1973; Carlson 1977; 1995; Cohen 2001; Krifka 2013; Leslie, Lerner 2016], теории риторических отношений

[Mann, Thompson 1988; Jasinskaja, Karagjosova 2021]. При таком подходе достигается интегральное описание рассматриваемых языковых явлений и объяснение наблюдаемых фактов.

Девять статей, которые вошли в диссертацию, делятся на пять частей, где обсуждается роль общего знания при интерпретации тавтологий; риторические отношения, в которые тавтологии вступают с другими фрагментами дискурса; взаимодействие тавтологий с модификаторами различных типов: оценочными предложными группами и группами функционального стандарта, пространственно-временными модификаторами и кванторными наречиями; разграничение отрицательных тавтологий, где необходимо обращение к исходной конструкции, и формально тождественных им противоречий, где обращения к тавтологии не требуется; структурные и семантические особенности сопоставительных тавтологий, объединяющих две и более одинарные конструкции.

Общей **целью** работы является многоаспектный анализ языковых тавтологий и противоречий на материале корпусных и экспериментальных данных русского, английского и испанского языков в свете лингвистических теорий, которые активно обсуждаются в современной литературе по семантике и прагматике; этим определяется **актуальность** исследования для теоретической лингвистики.

Новизна работы заключается в том, что ряд рассматриваемых явлений впервые становится объектом изучения. Так, хотя языковые тавтологии активно используются с предложными группами, указывающими на субъекта оценки (*people are people for me* 'для меня люди есть люди'), их вклад в общее значение конструкции до сих пор не подвергался анализу в лингвистической литературе. Далее, в то время как в предшествующих работах отмечается влияние контекста на общую интерпретацию тавтологий, нами впервые проводится систематический анализ риторических отношений, в которые вступают конструкции с предшествующим и последующим фрагментами дискурса. Это позволило продемонстрировать, что интроспективные наблюдения об основной функции тавтологий как средства имплицитной передачи информации не вполне достоверны, т.к. конструкции используются в контекстах, где транслируемое ими сообщение выражено эксплицитно в последующем фрагменте дискурса. Кроме того, впервые рассматривается взаимодействие разновидностей общего знания, к которым отсылают тавтологии. Это позволило сформулировать ограничения, налагаемые на класс т.н. метаязыковых тавтологий: они могут выступать только как общепринятые языковые правила, но не могут отсылать к локальным знаниям. Также впервые было проведено обоснованное разграничение между отрицательными тавтологиями и противоречиями. Наконец, привлечение теорий

метаязыкового отрицания, теорий субъективности, теорий интерпретации генерических высказываний и теорий риторических отношений является новым подходом при анализе языковых тавтологий, который позволяет выйти за пределы частного описания конкретных языковых единиц и сформулировать более общие закономерности.

По результатам исследования на защиту выносятся следующие **научные положения**:

1) Будучи генерическими высказываниями, тавтологии отсылают к следующим разновидностям общего знания: (а) экстралингвистическое vs. метаязыковое; (б) дескриптивное vs. прескриптивное; (в) повсеместное vs. локальное знание. Если тавтологии отсылают к экстралингвистическому знанию, для двух других признаков возможны оба значения. Напротив, метаязыковые тавтологии не могут отсылать к дескриптивному и локальному знанию и функционируют как общезыковые правила, действующие для всего языкового коллектива.

2) Общее знание не является необходимым и достаточным условием для интерпретации тавтологий. С одной стороны, транслируемые характеристики референта могут быть выведены адресатом из контекста, а передаваемое тавтологией сообщение не всегда опирается на общее знание. Например, при использовании в ответ на запрос информации т.н. формальных тавтологий один из участников общения открыто показывает, что не владеет информацией, а второй отказывается ее предоставить, потому что не может или не считает нужным это сделать. С другой стороны, общее знание не является достаточным условием, т.к. существуют ограничения: при использовании тавтологий возможна отсылка к стабильным характеристикам, но не временным состояниям.

3) Тавтологии не обнаруживают ограничений на риторические отношения с предшествующими и последующими фрагментами дискурса, включая отношение *Детализации*, когда транслируемое сообщение эксплицируется в окружающем контексте. Таким образом, функция имплицитной передачи информации, описываемая в литературе как обоснование использования тавтологий в речи [Miki 1996], не является для конструкций единственной и основной.

4) При взаимодействии тавтологий с модификаторами различных типов данные модификаторы вносят свой вклад в интерпретацию конструкций. Оценочные предложные группы указывают на индивида, чью точку зрения описывает тавтология, а группы функционального стандарта – на лицо, в отношении которого имеет место ситуация, выражаемая конструкцией. Пространственно-временные модификаторы индуцируют как собственно локативные или временные, так и эпистемические прочтения. Универсальные кванторы, наряду с группами функционального стандарта, сигнализируют, что конструкция

является глубинной тавтологией.

5) Структуры с повторами и отрицанием вида *Лондон уже не Лондон* делятся на два класса: отрицательные тавтологии и противоречия. В первом случае отрицание направлено на исходную тавтологию, а во втором случае обращения к тавтологии не требуется, и формально тождественные элементы указывают либо на различных референтов с одним набором свойств, либо на различные свойства одного и того же референта, либо на различных референтов с разным набором свойств.

6) Сопоставительные тавтологии вида *Книга — это книга, а фильм — это фильм* композициональны, поскольку, с одной стороны, прототипическое для них (в соответствии с описаниями в [Wierzbicka 1991; Meibauer 2008]) значение контраста не связано с фиксированной формой и может передаваться сочетаниями одинарных тавтологий с союзной и бессоюзной связью, а с другой стороны, значение контраста не является единственно возможным для данных структур.

2. Языковые тавтологии и общее знание

Три статьи, вошедшие в диссертацию, посвящены роли общего знания при интерпретации тавтологий. В предшествующих исследованиях авторы отмечают, что наличие у собеседников разделяемой ими информации о референте тавтологической конструкции является необходимым условием для ее функционирования в речи, и выделяют случаи, когда конструкции отсылают к экстралингвистическому знанию об окружающей действительности или к метаязыковому знанию о значениях языковых выражений [Wierzbicka 1987; Escandell-Vidal 1990; Gibbs, McCarrell 1990; Miki 1996; Meibauer 2008]. В работах, выносимых на защиту, во-первых, уточняется и расширяется классификация типов общего знания, к которым могут отсылать тавтологии, и обсуждается их взаимодействие между собой, во-вторых, демонстрируется, что общее знание не является ни необходимым, ни достаточным условием при их интерпретации.

2.1. Разновидности общего знания и их взаимодействие при интерпретации тавтологий

Статьи, выносимые на защиту: [Вилинбахова 2015; Vilinbakhova, Escandell-Vidal 2020].

В большинстве работ, посвященных тавтологиям, авторы отмечают, что говорящий использует заведомо неинформативное в буквальном смысле языковое выражение, чтобы дать отсылку к общему знанию – информации, известной обоим собеседникам. Характер такой информации может варьироваться по степени ее распространенности (сведения, доступные любому члену языкового коллектива vs. исключительно говорящему и адресату) и по отношению к норме

(дескриптивная vs. прескриптивная норма) и к окружающей действительности (экстралингвистическая vs. метаязыковая информация). Рассматривая тавтологии как подкласс генерических высказываний, см. [Meibauer 2008], мы используем наблюдения из литературы, посвященной таким высказываниям, чтобы проанализировать, каким образом описанные признаки общего знания могут взаимодействовать между собой: все ли комбинации значений признаков возможны, а если нет, то каковы ограничения и как их можно объяснить. Работа [Вилинбахова 2015], посвященная метаязыковым тавтологиям, выполнена на материале русского языка: привлекались примеры из Национального корпуса русского языка (НКРЯ)¹ и интернет-источников; работа [Vilinbakhova, Escandell-Vidal 2020] выполнена на материале английского языка: сбор примеров производился в Корпусе современного американского английского языка (СОСА)² и интернет-источниках³.

Наблюдения о разновидностях общего знания для тавтологических конструкций, сделанные в предшествующих исследованиях, а также сведения из литературы, посвященной генерическим высказываниям, даны в разделе 2.1.1. Результаты нашего исследования о взаимодействии различных типов общего знания в тавтологических конструкциях представлены в разделе 2.1.2.

2.1.1. Сведения о разновидностях общего знания в литературе

В литературе, посвященной тавтологиям, наиболее обсуждаемыми разновидностями общего знания являются экстралингвистическое и метаязыковое. В качестве примера отсылки к экстралингвистическому знанию рассмотрим толкование А. Вежбицкой: говорящий, используя конструкции типа *Война есть война*, дает отсылку к устойчивым представлениям о мире, которые можно не проговаривать эксплицитно.

А. Все знают, что, когда люди делают вещи из этой категории, им приходится делать плохие вещи другим людям.

Б. Я предполагаю, что я могу не уточнять, какие вещи имеются в виду. [Wierzbicka 1987:105]

Степень подробности «инструкции» для обращения к общему экстралингвистическому знанию, которую дает говорящий, используя ту или иную тавтологическую конструкцию,

---

¹ URL: www.ruscorpora.ru

² URL: www.english-corpora.org/coca/

³ На русском материале результаты, полученные в [Vilinbakhova, Escandell-Vidal 2020], были апробированы участником проекта по лексическим повторам под нашим руководством (<https://rscf.ru/project/19-78-10048/>) А.В. Крюковой в докладе [Крюкова 2020], на испанском материале – участником проекта В. Эскандель-Видаля в [Escandell-Vidal 2020].

может варьироваться. А. Вежбицкая является представителем семантического подхода к тавтологиям, согласно которому конкретные синтаксические модели английских тавтологий задают направление интерпретации – реалистическое отношение к событиям жизни, терпимость к тем или иным видам человеческой деятельности и др. [Wierzbicka 1987, 1991]. В литературе также представлен прагматический подход, в рамках которого тавтологии универсальны и могут быть осмыслены благодаря общим прагматическим принципам, см. [Grice 1975; Levinson 1983; Ward, Hirschberg 1991], и семантико-прагматический подход, согласно которому разные модели тавтологий могут иметь свои значения по умолчанию, однако контекст оказывает решающее воздействие на окончательную интерпретацию, см. [Fraser 1988; Escandell Vidal 1990; Gibbs, McCarrell 1990] и след. Таким образом, по А. Вежбицкой, тавтология *Women are women* ‘Женщины есть женщины’ относится к классу конструкций со значением ‘терпимость к человеческой природе’ (англ. tolerance for human nature), что сужает набор общеизвестных качеств женщины до тех, которые могут вызвать неприятие собеседника и потенциально требуют толерантности, т.е. подойдет изменчивость настроения, но не кулинарный талант. С другой стороны, для сторонников прагматического и семантико-прагматического подхода выбор релевантного свойства происходит непосредственно в контексте конкретного высказывания.

Перейдем теперь к тавтологиям, отсылающим к метаязыковому знанию, которые обсуждаются в работах [Miki 1996; Bulhof, Gimbel 2001, 2004; Meibauer 2008]. Э. Мики, анализируя, каким образом «неинформативные» тавтологии получают осмысленную интерпретацию, делает вывод, что при их употреблении актуализируется одно или несколько известных собеседникам свойств референта, и наряду с примерами, относящимися к внеязыковой действительности, автор приводит случаи вида *Partial means partial* ‘Частичный означает частичный’, которые отсылают к языковому коду участников коммуникации, и обозначает их как «метаязыковые» тавтологии (англ. metalinguistic tautologies) [Miki 1996].

Далее, Й. Булхоф и С. Гимбел выделяют класс т.н. глубинных тавтологий, которые указывают на способ употребления языковых выражений, заполняющих слоты конструкции. Глубинные тавтологии применимы к языковым выражениям, которые могут использоваться в двух прочтениях: в качестве «расплывчатых» предикатов (англ. vague predicates), таких как *высокий*, где сложно однозначно установить объём понятия и существуют пограничные, промежуточные случаи, и в качестве определённых предикатов (англ. non-vague predicates), например, *нечетный*, когда границы понятия легко определяются [Bulhof, Gimbel 2001: 286]. Так, слова *живой* и *мёртвый*, выступая как расплывчатые предикаты, способны принимать модификаторы *чуть живой* или *полумёртвый*; выступая же как определённые предикаты, они

не допускают подобных оттенков: строго говоря, существо может быть либо живым, либо мёртвым. Глубинные тавтологии сигнализируют, что слово используется именно как определённый предикат, т. е. в строгом, приближенном к терминологическому смысле, и подразумевают выполнение как минимум одного из двух условий:

(i) условие неотчуждаемости: если объект отвечает условиям, достаточным, чтобы быть сущностью *x*, то никакие дополнительные свойства не могут исключить его из класса *X*;

(ii) условие равноценности: если объект является сущностью *x*, то он не может являться *x* в большей или меньшей степени [Bulhof, Gimbel 2001: 287].

Немецкий исследователь Й. Мейбауэр анализирует тавтологии в рамках неограйсианской теории С. Левинсона [Levinson 2000] и выделяет два класса конструкций: тавтологии, отсылающие к стереотипу, и тавтологии, отсылающие к словарному определению (англ. *enriching vs. restricting tautologies*). Конструкции первого типа интерпретируются с помощью имплицатуры информативности (*I-implicature*) и указывают на свойства референта, соответствующие стереотипу, например, *дети есть дети* – веселые, озорные, непосредственные и т.д. Для понимания конструкций второго типа привлекается имплицатура количества (*Q-implicature*), которая предполагает метаязыковую интерпретацию: адресату следует трактовать языковое выражение с опорой на буквальное словарное определение, например, *дети* – лица в период детства, не достигшие 18 лет. Й. Мейбауэр рассматривает оба класса конструкций как равноценные, а их единственное различие состоит в обращении к разным имплицатурам и привлечении разных типов общего знания при интерпретации.

Разновидности общего знания с точки зрения его отношения к норме и распространенности в работах о тавтологических конструкциях подробно не обсуждаются, хотя можно найти отдельные наблюдения у А. Вежбицкой, которая описывает тавтологии, касающиеся правил человеческого поведения, например, *a bet is a bet* ‘пари есть пари’ [Wierzbicka 1991], В. Эскандель-Видал [Escandell-Vidal 1990] и Й. Майбауэра [Meibauer 2008]; см. также пример локального знания *Сергея есть Сергей* в [Булыгина, Шмелев 1997].

В то же время, данные типы знания рассматриваются в литературе, посвященной генерическим высказываниям, и поскольку тавтологии относятся к данному классу высказываний, полученные сведения были использованы для их анализа.

Говоря о роли дескриптивной vs. прескриптивной нормы для интерпретации генерических высказываний, следует упомянуть два подхода: индуктивистский подход (англ. *inductivist approach*) и подход правил и предписаний (англ. *rules-and-regulations approach*), см. обзор в [Carlson 1995; Cohen 2001, 2016]. Согласно сторонникам первого подхода, генерические высказывания выражают обобщения, основанные на достаточном количестве реально

наблюдаемых событий. Так, высказывание *Собаки лают* дает основание говорить, что достаточное количество собак продемонстрировало описываемое поведение. Приверженцы второго подхода, напротив, считают, что генерические высказывания описывают правила и закономерности, например, *Джентльмены пропускают дам вперед*⁴. А. Коэн отмечает, что правила могут касаться разных областей, и приводит примеры физических, биологических, социальных, моральных и лингвистических правил – частичных или полных дефиниций [Cohen 2001]. Нормативный характер генерических высказываний, описывающих языковое употребление, обсуждается также в [Krifka 2013]. В указанных работах об интерпретации генерических высказываний метаязыковые генерические высказывания оказываются подклассом «правил и предписаний», отсылающих к прескриптивной норме, а экстралингвистические генерические высказывания, относящиеся к реальной действительности, могут выступать и в качестве обобщений (дескриптивная норма), и в качестве правил (прескриптивная норма).

Далее, роль распространенности общего знания для генерических высказываний обсуждается в связи с их приемлемостью⁵. С одной стороны, как отмечает Дж. Лоулер, если произнесенное вне контекста генерическое высказывание содержит информацию, не входящую в фонд общедоступных фоновых знаний, то оно будет звучать неестественно, как в (1).

(1) *#A madrigal is popular.* [Lawler 1973: 112]

‘Мадригал популярен.’

С другой стороны, С.-Дж. Лесли и А. Лернер показывают, что общее знание может быть как повсеместным, так и локальным: если собеседники считают, что зеленые бутылки сохраняют лекарственные свойства спасающих жизни антибиотиков, то (2) для адресата будет приемлемым.

(2) *The green bottles save lives.* [Leslie, Lerner 2016]

‘Зеленые бутылки спасают жизни.’

В целом, если в литературе, посвященной тавтологиям, обсуждается прежде всего экстралингвистическое vs. метаязыковое общее знание, то в работах, посвященных генерическим высказываниям, другие разновидности общего знания (нормативное vs. прескриптивное, повсеместное vs. локальное) рассматриваются более подробно. Ниже мы

---

⁴ Ср. противопоставление вневременных ситуаций в [Касевич 2004: 236 и след.]: узуальные ситуации, представимые как не знающие исключений, как, например, *Нагретый газ расширяется*, vs. узуальные ситуации, допускающие исключения, как, например, *Лошади едят овес*.

⁵ В данном аспекте обсуждаются прежде всего примеры, относящиеся к внеязыковой действительности, но не примеры, отсылающие к метаязыковому локальному знанию.

привлекаем соответствующие наблюдения для анализа нашего материала.

2.1.2. Взаимодействие различных типов общего знания при интерпретации тавтологий

Поскольку разновидности общего знания могут быть описаны при помощи трех бинарных признаков, которые принимают значения (i) экстралингвистическое vs. метаязыковое; (ii) дескриптивное vs. прескриптивное; (iii) повсеместное vs. локальное, можно было бы ожидать, что мы получим восемь возможных прочтений тавтологических конструкций, или четыре экстралингвистических и четыре метаязыковых типа конструкций. Однако в рамках анализа генерических высказываний «метаязыковые» и «экстралингвистические» примеры сочетаются с другими значениями по-разному: примеры с отсылкой к метаязыковому знанию анализируются как подмножество класса правил и предписаний, т.е. выражают прескриптивную норму, в то время как примеры, относящиеся к внеязыковой действительности, могут выступать и как правила, и как индуктивные обобщения. В [Vilinbakhova, Escandell-Vidal 2020] на материале английского языка демонстрируется, что данная асимметрия действует и для тавтологических конструкций.

При обращении к экстралингвистическому знанию возможны оба значения каждого из других признаков. Так, в (3) и (4) тавтология *family is family* ‘семья есть семья’ отсылает к комбинациям «экстралингвистическое + дескриптивное + повсеместное знание» и «экстралингвистическое + прескриптивное + повсеместное знание» соответственно. В (3) говорящий, используя тавтологию, опирается на индуктивное обобщение ‘в семье бывают ссоры’, а в (4) – на социальное правило ‘семья важнее всего остального’.

(3) “*Do you ever argue and scream at family members?*” he said. “*It’s called family biz. **Family is family**, and you go through all kinds of things, and if that’s news to you then you’re being delusional.*” [COCA, NEWS: Minneapolis Star Tribune]

‘»Вы когда-нибудь ссорились и кричали на членов семьи?» сказал он. «Это называется семейные дела. Семья есть семья, и бывает всякое, и если это для вас новость, значит, вы заблуждаетесь».’

(4) “*I do wish I could stay.*” “*No problem at all, Billy,*” Cecil said. “***Family is family.***” [COCA, Smith Jamie Lyn, FIC: Kenyon Review. Jul/Aug 2015]

‘»Я бы хотел остаться». «Никаких проблем, Билли», – сказал Сесил. «Семья есть семья».’

В (5) и (6) представлены случаи отсылки к экстралингвистическому локальному знанию, которое, в отличие от повсеместного знания, может быть очень закрытым, т.е. знать о нем могут только собеседники. Так, в (5) информация о неспособности девочки Полли к обучению доступна только для членов ее семьи (экстралингвистическое + дескриптивное + локальное

знание), а в (6) говорящий устанавливает для своего партнера локальное правило не мешать ей во время работы, которое и выражает при помощи тавтологии (экстралингвистическое + прескриптивное + локальное знание).

(5) *Gloria released the steer and turned to her youngest daughter. "You'll learn to do that soon enough." "Why?" "It's a handy skill." "Polly doesn't know how to do it," Betsy said. "Polly is Polly."*⁶. [COCA, Olivia Newport. FIC: Hope in the New Land, 2017]

‘Глория отпустила бычка и повернулась к младшей дочери. «Ты скоро этому научишься». «Зачем?» «Это полезное умение». «А Полли не умеет это делать», — сказала Бетси. «Полли – это Полли».’

(6) *"Let me think about this," he says. "Of course," she says, "but if you agree, you must never encroach on my time. Ever. My time is my time."* [COCA, Whitney Otto, FIC: The Passion Dream Book, 1997]

‘“Дай мне подумать об этом”, — говорит он. “Разумеется, — отвечает она, — но если ты согласишься, ты не должен покушаться на мое время. Никогда. Мое время — это мое время”.’

Обратимся теперь к примерам, где происходит отсылка к метаязыковому знанию. Рассмотрим (7), где собеседники – муж и жена – в споре используют тавтологии, отсылающие к двум типам правил по [Cohen 2001] – лингвистическому (метаязыковое + прескриптивное + повсеместное знание) и моральному (экстралингвистическое + прескриптивное + повсеместное знание). По сюжету муж называет лжецом безобидного бродячего торговца, который рассказывает вымышленные истории местным жителям, а жена говорит, что он поступил жестоко и грубо. Муж оправдывается, используя метаязыковую тавтологию *a liar's a liar* ‘лжец есть лжец’, апеллирующую к буквальному значению ‘лжец – это тот, кто говорит неправду’, а жена употребляет тавтологию *a gentleman is a gentleman* ‘джентльмен – это джентльмен’, отсылая к моральному правилу ‘джентльмен не обижает беззащитных людей’.

(7) *"No gentleman would do such a thing," replied his wife. "A liar's a liar," said Mr. Platt. "And a gentleman is a gentleman and wouldn't say so."* [COCA, Prevarication Jones, FIC: Saturday Evening Post, 1994]

‘«Ни один джентльмен не сделал бы такого», — ответила его жена. «Лжец есть лжец», — сказал мистер Платт. «А джентльмен – это джентльмен и не сказал бы этого».’

При употреблении метаязыковых тавтологий обращение к буквальному, словарному определению языкового выражения иногда подчеркивается указанием на соответствующие ресурсы, см. (8). Такое обращение имеет смысл, когда возможна альтернативная интерпретация, например, эвфемизация, ирония или гипербола (см. подробнее [Вилинбахова

---

⁶ Пример приводится с сокращениями.

2015]), или, как в (7), когда говорящий намеренно игнорирует обстоятельства, которые следовало бы учитывать с точки зрения морали, здравого смысла, культурных представлений и пр.

(8) *Новый это значит новый.* (Открой словарь русского языка). [Иомдин 2014:119]

Теперь рассмотрим возможность использования метаязыковых тавтологий в ситуации, когда речь идет исключительно о локальных правилах употребления языковых выражений, т.е. слова используются определенной группой лиц в отличном от словарного значения. В [Vilinbakhova, Escandell-Vidal 2020] представлен пример изменения общепринятого языкового значения в (9) из буклета спа-отеля, когда по семейному билету предоставляется скидка в аквапарк, но в понятие «семья» входит не более двух взрослых и одного ребенка, в отличие от другого аквапарка в (10), где таких ограничений нет, и слово *семья* используется в общепринятом значении.

(9) *A family means three people: maximum two adults and at least one child under 14 years of age.*
[<http://www.termemerano.it>]

‘Семья – это три человека: не более двух взрослых и не менее одного ребенка до 14 лет.’

(10) *Family means family at Aquatopia, which means no matter how many children in your family it's \$30.*
[<https://www.fairfieldchampion.com.au>]

‘В Акватопии семья значит семья, то есть независимо от того, сколько детей в вашей семье, билет будет стоить 30 долларов.’

Для нас важно, что тавтология из (10) не может использоваться для апелляции к метаязыковому локальному знанию из (9), см. (9’), планируемое как напоминание посетителю аквапарка из спа-отеля. Такое употребление противоречит обязательному для метаязыковой тавтологии представлению значения языкового выражения как общеизвестного, буквального, соответствующего словарной норме.

(9’) *#Family means family: maximum two adults and at least one child under 14 years of age.*

‘Семья значит семья: не более двух взрослых и не менее одного ребенка до 14 лет.’

Таким образом, из восьми потенциальных конфигураций признаков общего знаний тавтологии могут реализовывать пять. Если тавтологии отсылают к экстралингвистическому знанию, для двух других признаков возможны оба значения, т.е. мы имеем четыре подкласса экстралингвистических тавтологий: они могут выражать локальные или общие правила, а также локальные или общие индуктивные обобщения. Напротив, метаязыковые тавтологии не могут отсылать к дескриптивному и локальному знанию и функционируют как общеязыковые

правила, действующие для всего языкового коллектива.

1.1. Пересмотр роли общего знания как необходимого и достаточного условия при интерпретации тавтологий

Статьи, выносимые на защиту: [Vilinbakhova, Escandell-Vidal 2020; Vilinbakhova, Escandell-Vidal, Zevakhina 2022].

В предшествующем разделе мы обсудили разновидности общего знания, к которым происходит отсылка при использовании тавтологий. В данном разделе будет проведен пересмотр более общего положения, согласно которому общее знание рассматривается как необходимое и достаточное условие для интерпретации тавтологий, см. [Gibbs, McCarrell 1990; Miki 1996; Autenrieth 1997; Bulhof, Gimbel 2001, 2004; Meibauer 2008; Rhodes 2009].

В работах используются разные термины для обозначения общего знания, например, «разделяемые убеждения» (англ. shared beliefs) [Miki 1996] или «стереотипы» [Gibbs, McCarrell 1990; Autenrieth 1997; Meibauer 2008], однако описание общего механизма интерпретации тавтологий сохраняется: говорящий предполагает наличие у адресата определенного знания, к которому тот должен обратиться для адекватного осмысления конструкции.

В данном разделе мы продемонстрируем, что возможна альтернативная точка зрения. Она заключается в следующем. Во-первых, мы покажем, что допустимо употребление конструкций без отсылки к общему знанию участников общения, включая коммуникативные ситуации, когда собеседник открыто признается в отсутствии у него информации о референте конструкции. Во-вторых, существуют ограничения на сами свойства референта, к которым происходит обращение: тавтологии могут отсылать к постоянным качествам, но не к временным состояниям.

Наш подход включает следующие гипотезы. Первая гипотеза заключается в том, что общее знание не обязательно является необходимым, потому что слушатель либо может получить информацию о свойствах референта из непосредственного контекста, либо транслируемое говорящим сообщение вообще не подразумевает отсылки к общеизвестным свойствам референта. Вторая гипотеза состоит в том, что факт принадлежности информации к общему знанию собеседников не гарантирует возможности отсылать к ней при использовании тавтологий; могут привлекаться только постоянные стабильные свойства, но не временные состояния. Чтобы сфокусироваться исключительно на интересующих нас вопросах, мы анализировали тавтологии с именами собственными вида *Петя – это Петя*. Имена собственные не имеют собственного языкового значения [Mill 1843; Bréal 1897; Kripke 1972;

Brédart 2016; Van Langendonck, Van de Velde 2016], что позволяет изолировать метаязыковое знание слушателя как носителя языка и говорить только об общем экстралингвистическом знании.

Для иллюстрации обеих гипотез рассмотрим примеры (11) и (12).

(11) A: *-John has missed his plane!*

B: *-No wonder! **John is John.***

‘А: Джон опоздал на самолет!’

Б: Ничего удивительного! Джон – это Джон.’

(12) A: *In February 2019, Meghan Markle was in a XXL size coat!*

B: *#No wonder! **Meghan Markle is Meghan Markle.***

‘А: В феврале 2019 Меган Маркл надела пальто размера XXL!’

Б: Ничего удивительного, Меган Маркл – это Меган Маркл.’

При анализе примера (11) в рамках подхода об интерпретации тавтологий путем апелляции к общему знанию конструкция *Джон – это Джон* отсылает к известной участникам диалога привычке Джона опаздывать. Таким образом, тавтология становится информативной благодаря имплицатуре, которая служит объяснением изложенному в реплике А конкретному факту. Однако инференцию о том, что Джону свойственно опаздывать, может вывести и любой посторонний свидетель диалога: вслед за восклицанием *Ничего удивительного!* предполагается обоснование, и отсылка к отсутствию пунктуальности у Джона оказывается в этом качестве наиболее уместной и ожидаемой. В данном случае мы имеем дело с абдуктивной инференцией [Татевосов 2019; Douven 2021; Mohammadian 2021], когда слушатель должен найти такую информацию о Джоне, которая наилучшим образом объясняет оценку его опоздания на самолет как логичного и предсказуемого события. Таким образом, для интерпретации тавтологии в (11) и аналогичных контекстах слушателю достаточно обладать общей способностью к умозаключениям, а общее знание о Джоне не является необходимым.

Далее в примере (12) тавтология *Меган Маркл – это Меган Маркл* не может отсылать к состоянию беременности Меган Маркл в указанный период (‘Меган Маркл была беременной’) несмотря на то, что эта информация является общим знанием. Более естественными представляются интерпретации ‘Меган Маркл любит свободную одежду’, ‘Она эксцентрична’ и пр. Это позволяет предположить, что принадлежность свойства референта к общему знанию не является достаточным условием для того, чтобы говорящий мог отсылать к нему при интерпретации тавтологии.

Корпусное исследование, представленное в нашей статье [Vilinbakhova, Escandell-Vidal, Zevakhina 2022], и частично наблюдения из [Vilinbakhova, Escandell-Vidal 2020] на материале английского языка⁷, посвящены проверке первой гипотезы и направлены на анализ контекстов, в которых тавтологии могут интерпретироваться без обращения к общему знанию.

В [Vilinbakhova, Escandell-Vidal, Zevakhina 2022] мы проанализировали тавтологии с именами собственными. Аннотация была проведена по следующим параметрам: (i) наличие в контексте сведений, которые позволяют понять тавтологию без обращения к общему знанию; (ii) релевантность конкретных свойств референта для интерпретации тавтологии; (iii) имплицитное vs. эксплицитное представление информации о релевантных свойствах референта.

Было выявлено, что в собранном корпусе только в 8,4% для интерпретации тавтологий требовалось общее знание участников общения, см. (13). В данном примере упоминаются два теннисиста, Адам Павласек и Новак Джокович, но автор дает характеристику только Павласеку, подразумевая, что информация о Джоковиче является общим знанием, и ее можно не проговаривать эксплицитно.

(13) *Not much to say about this one. Pavlasek is a talented, 22-year-old Czech player ranked 136 in the world. Novak Djokovic is Novak Djokovic.* [<https://tennisnerd.net/predictions/2017-wimbledon-predictions-day-3/6012>]

‘Об этом [матче] можно сказать не так уж много. Павласек — талантливый 22-летний чешский игрок, занимающий 136 место в мировом рейтинге. Новак Джокович – это Новак Джокович.’

В 91,6% случаев тавтологии, напротив, могут быть поняты без привлечения общего знания. С одной стороны, в 25% случаев конкретное свойство референта не является предметом сообщения, транслируемого при помощи тавтологии. Говорящий может обращаться к тавтологическим конструкциям, чтобы указать на различие между двумя референтами, как в (14) (см. также раздел 6 о сопоставительных тавтологиях), или на постоянство референта, как в (15), поэтому общее знание об определенном свойстве индивида не является обязательным для их понимания.

(14) *Vettel is Vettel and Michael was Michael, yes, but he does remind me of MS.* [<https://forums.autosport.com/topic/107959-vettel-really-is-the-next-schumacher/page-2>]

‘Да, Феттель — это Феттель, а Михаэль — это Михаэль, но он действительно напоминает мне

---

⁷ О проверке первой и второй гипотезы на материале испанского языка см. [Escandell-Vidal, Vilinbakhova 2022].

Михаэля Шумахера.’

(15) *I heard that, as someone put it, the white boys in the campaign were not thrilled. But, you know, **Teresa is Teresa**, and she's not going to change.* [COCA, SPOK: CNN_Reliable]

‘Я слышал, что, как кто-то выразился, белые парни отнюдь не в восторге. Но знаете, Тереза есть Тереза, и она не изменится.’

В 66,5% случае тавтология использовалась говорящим для отсылки к конкретному свойству референта: в 26% случаев отсылка происходила имплицитно, а в 40,4% случаев подразумеваемое свойство присутствовало в контексте эксплицитно. Примером первой группы примеров может служить (16), когда комментарий, следующий за тавтологией *Зидан есть Зидан*, включает риторический вопрос *Но как можно критиковать Зидана?*, что дает возможность адресату сделать вывод о влиятельности референта, его особом статусе, который не позволяет окружающим его критиковать. Примером второй группы является фрагмент (17), где говорящий эксплицитно перечисляет набор свойств Рональда Регана: сердечный, естественный, красноречивый, оптимистичный и пр.

(16) *Zidane is Zidane. I would have told the referee it was a red card. But how can you criticise Zidane?* [<https://www.fifa.com/the-best-fifa-football-awards/news/balotelli-a-man-in-words-2428493>]

‘Зидан есть Зидан. Я бы сказал судье, что это красная карточка. Но как можно критиковать Зидана?’

(17) *This speech is brilliant, despite its painful message, because in it, **Ronald Reagan is Ronald Reagan**. He is warm, personal, eloquent, uplifting and optimistic even in tragedy and talks in big, inspiring themes.* [<http://www.wordsthatshooktheworld.com/learn.htm>]

‘Это блестящая речь, несмотря на ее болезненную тему, потому что в ней весь Рональд Рейган (букв. Рональд Рейган — это Рональд Рейган). Он сердечный, естественный, красноречивый, вдохновляющий и оптимистичный даже в ситуации трагедии и говорит масштабно и воодушевляюще.’

Следует также отметить еще один класс тавтологий, обсуждаемый в [Vilinbakhova, Escandell-Vidal 2020]. Этот класс относится к контекстам, когда передаваемое говорящим сообщение не подразумевает отсылки к общеизвестным свойствам референта. Отдельные сконструированные примеры приводятся в предшествующих работах, однако авторы не связывают их с вопросом о необходимости общего знания для интерпретации тавтологий.

Рассмотрим (18) из работы Й. Майбауэра на материале немецкого языка, который приводится в связи с обсуждением предикативного статуса именной группы в позиции после связки, а также французские примеры (19-20) из [Fujita 1998] и [Sakai 2004].

(18) *A: Was ist dein Vater für ein Mensch?* [Meibauer 2008: 447]

B: Oh, mein Vater ist mein Vater...

‘А: Что за человек твой отец?’

Б: О, мой отец – это мой отец...’

(19) *A: Papa, qu'est-ce que c'est, une femme fatale?* [Fujita 1988 цит. по Sakai 2004: 46]

B: Bah! Une femme fatale, c'est une femme fatale.

‘А: Папа, что значит роковая женщина?’

Б: Ба! Роковая женщина – это роковая женщина.’

(20) *A: Qui est votre mari?* [Sakai 2004: 85]

B: Mon mari est mon mari. Ça ne vous regard pas.

‘А: Кто ваш муж?’

Б: Мой муж – это мой муж. Это не ваше дело.’

Нам представляется, что данные примеры имеют прямое отношение к дискуссии о роли общего знания в интерпретации тавтологий. Действительно, если мы посмотрим на контекст употребления тавтологии, можно заметить, что собеседник А, по-видимому, ничего не знает о характере отца В и потому запрашивает об этом информацию. Таким образом, анализ тавтологии в ответе участника коммуникации В как апелляции к общему знанию о свойствах характера его отца не работает: А только что признался, что этим знанием не обладает. Получается, что говорящий В, выбирая неинформативную в буквальном смысле тавтологию в качестве ответа на вопрос А, в данном случае эксплуатирует именно эту неинформативность, отказываясь предоставлять нужные адресату сведения. Следовательно, для данного примера анализ тавтологий через отсылку к общему знанию не применим, т.е. общее знание не является необходимым условием. В [Vilinbakhova, Escandell-Vidal 2020] было предложено обозначать такие случаи как формальные тавтологии и приведены их примеры из реальных текстов, см. (21).

(21) “*There’s an animal, dead, in your sink. What is it?*” “*Oh, that’s our agouti.*” *I barely managed to swallow my alarm. “Really. What is agouti?” She hugged me fondly. “Agouti is agouti,” she said.* [COCA, B. Williams, FIC: Essence, 1994]

“В твоей раковине мертвое животное. Что это?»— «О, это наш агути». Я едва успел справиться с тревогой. «Вот как. Что такое агути?» Она ласково обняла меня. «Агути – это агути», — сказала она.’

Таким образом, можно сделать вывод, что первая гипотеза, согласно которой общее знание

не является необходимым условием для интерпретации тавтологий, находит подтверждение на материале собранных данных. В проанализированных контекстах гипотетическое отсутствие общего знания о конкретном референте не всегда является проблемой для адресата. Используя тавтологические конструкции, говорящий, во-первых, может предоставлять сопутствующие комментарии, которые позволяют адресату вывести релевантные свойства референта или содержат их эксплицитно, а во-вторых, передавать сообщения более общего характера о различии референтов, отсутствии изменений референта безотносительно его конкретного свойства или о нежелании отвечать на вопрос адресата.

Далее, рассмотрим вторую гипотезу, согласно которой принадлежность информации о референте к общему знанию не является достаточным условием для того, чтобы говорящий мог апеллировать к данной информации, используя тавтологию. В [Vilinbakhova, Escandell-Vidal, Zevakhina 2022] данная гипотеза проверялась экспериментально на материале английского языка. Мы рассматривали, существуют ли ограничения на возможные характеристики референта, к которым могут отсылать тавтологии, в рамках классификации, предложенной в [Milsark 1974; Carlson 1977]. Мы предположили, что тавтологии могут отсылать только к стабильным свойствам, которые свойственны референту (их описывают предикаты индивидуального уровня – individual level predicates, или ILP), например, *бережливый, ответственный, талантливый*), но не к временным состояниям (их описывают предикаты стадийного уровня – stage level predicates, или SLP) например, *усталый, голодный, сонный*, даже если информация о них принадлежит общему знанию.

В качестве стимульного материала были сконструированы диалоги между Анной и Биллом, где Анна высказывала удивление по поводу действия персонажа — третьего лица, а Билл отвечал, что в этом нет ничего удивительного и использовал тавтологию, содержащую в качестве повторяющихся элементов имя персонажа. Далее испытуемым предлагалась возможная интерпретация слов Билла. Она содержала либо стабильное свойство, либо временное состояние, см. (22-23). Испытуемым следовало ответить, может ли ответ Билла, содержащий тавтологию, передавать такое сообщение.

(22) a. ANN: *Jill bought a Louis Vuitton bag!*

BILL: *No wonder! Jill is Jill.*

b. *Conveyed message: She is a spendthrift.*

c. *Can Bill's reply convey the indicated message?*

'a. Анна: Джил купила сумку от Луи Виттон!

Билл: Ничего удивительного! Джил – это Джил.

Б. Передаваемое сообщение: Она расточительна. (постоянное свойство)

в. Может ли ответ Билла передавать указанное сообщение?’

(23) a. ANN: *Jill bought a Louis Vuitton bag!*

BILL: *No wonder! Jill is Jill.*

b. *Conveyed message: She won the lottery yesterday.*

c. *Can Bill’s reply convey the indicated message?*

‘а. Анна: Джил купила сумку от Луи Виттон!

Билл: Ничего удивительного! Джил – это Джил.

Б. Передаваемое сообщение: Она вчера выиграла в лотерею. (временное состояние)

в. Может ли ответ Билла передавать указанное сообщение?’

По результатам эксперимента было обнаружено существенное различие между двумя видами интерпретаций (стабильное свойство vs. временное состояние). Испытуемые сочли приемлемыми интерпретации тавтологий, содержащие стабильное свойство, в существенно большем числе случаев, чем интерпретации, содержащие временное состояние, что подтверждает нашу гипотезу.

В целом, в ходе анализа роли общего знания в интерпретации тавтологий, во-первых, уточнена предложенная в литературе классификация тавтологий, а именно, выявлена асимметрия между метаязыковыми и экстралингвистическими тавтологиями в их способности отсылать к другим разновидностям общего знания. Во-вторых, показано, что обращение к общему знанию не является обязательным. В-третьих, обнаружены ограничения на свойства референта, к которым могут отсылать тавтологии.

3. Тавтологии в риторических отношениях

Статья, выносимая на защиту: [Vilinbakhova, Escandell-Vidal 2021].

В литературе, посвященной тавтологиям, обсуждаются различные факторы, которые оказывают влияние на их интерпретацию: синтаксические модели конструкций, семантические классы языковых выражений, заполняющих слоты, а также окружающий контекст. Наблюдения о значимости контекста для понимания тавтологий занимают особое место как в классических, так и в более современных работах. Так, С. Левинсон утверждает, что передаваемые с помощью тавтологии импликатуры зависят от контекста конкретного высказывания [Levinson 1983:110], см. также [Падучева 2004: 106]. Р. Гиббс и Н. МакКаррелл показывают, что одни и те же конструкции интерпретируются по-разному в положительных и отрицательных контекстах [Gibbs, McCarrell 1990: 132], см. (24).

(24) а. *Как я счастлива здесь работать! Постоянное общение, творчество и движение. Дети есть*

дети.

б. *Как я устала здесь работать! Постоянный шум, капризы и нытье. Дети есть дети.*

И. Квон, анализируя пример японской тавтологии *X to X* из статьи [Okamoto 1993], отмечает, что оценка нежелательности, о которой пишет Ш. Окамото, индуцируется предшествующим тавтологии фрагментом дискурса и не является частью ее значения [Kwon 2014: 47].

Тем не менее, несмотря на единодушие относительно важности контекста, в литературе не представлено детальной классификации типов контекстов, в которых используются тавтологии. В нашей работе мы предприняли попытку заполнить эту лакуну с опорой на теории, посвященные анализу риторической структуры текста, и проанализировать риторические отношения, в которые вступают тавтологические конструкции с предшествующим и последующим фрагментами дискурса. Сведения о классической теории риторической структуры У. Манна и С. Томпсон [Mann, Thompson 1988] и подходе К. Ясинской и Е. Карагесовой [Jasinskaja, Karagjosova 2021], на которые мы опираемся в работе, даны в разделе 3.1. Наше исследование о функционировании тавтологий в дискурсе представлено в разделе 3.2.

3.1. Подходы к анализу структуры дискурса

3.1.1. Теория риторической структуры У. Манна и С. Томпсон

В ряду работ, направленных на анализ структуры дискурса, наиболее влиятельной является теория риторической структуры (далее – ТРС) У. Манна и С. Томпсон [Mann, Thompson 1988], на которую впоследствии опирались остальные авторы. ТРС предлагает описание и анализ содержательных отношений между фрагментами дискурса и их ролей в данных отношениях. Ключевым является понятие «риторические отношения», в которые вступают два фрагмента текста (англ. text span) [Mann, Thompson 1988: 243]. Описание конкретного типа риторических отношений включает условия, предъявляемые к фрагментам текста в данном риторическом отношении, и желаемый эффект воздействия на слушателя. Например, для отношения *Контраста*, как в предложении *Петя высокий, а Вася маленького роста*, ситуации, представленные во фрагментах текста, должны (а) иметь сходство во многих аспектах; (б) различаться в некоторых аспектах; (в) выступать объектом сравнения в отношении одного или более различий; желаемым эффектом является признание адресатом сопоставимости двух ситуаций и их различий, на которые направлено сравнение [Mann, Thompson 1988: 278].

Для представления роли фрагмента в риторических отношениях авторы вводят понятие ядерности (англ. nuclearity). Если отношения симметричны, или мультиядерны (англ. multi-nuclear), оба фрагмента являются ядрами. К симметричным отношениям относятся, например, *Контраст* и *Последовательность*. В асимметричных, или моноядерных (англ. mononuclear), отношениях главная часть является ядром, а зависимая сателлитом. К асимметричным относятся такие отношения, как *Объяснение*, *Условие*, *Уступка*, *Цель* и др.

TRC изначально разрабатывалась для монологических текстов, и многие авторы следуют этой традиции, см. [Asher, Vieu 2005; Zeevat 2011; Jasinskaja, Karagjosova 2021]. Х. Зееват даже отмечает, что термин «риторические отношения» не очень подходит для диалогов [Zeevat 2011: 416]. В своей работе мы также рассматривали тавтологии в монологических текстах. Впрочем, заметим, что впоследствии различные версии TRC также применялись и к диалогам, см. [Taboada 2004; Asher, Lascarides 2003; Lascarides, Asher 2009], и их достижения открывают направления для дальнейших исследований.

Несмотря на активное распространение TRC и широкие возможности ее применения не только при анализе дискурса, но и для автоматической обработки текста, обучения языкам и пр., некоторые ее положения вызвали критику в литературе. Одно положение заключается в том, что в рамках TRC набор риторических отношений является открытым, и может быть при необходимости дополнен и модифицирован [Mann, Thompson 1988: 245]. Как отмечает А. Кнотт [Knott 1996], при отсутствии ограничений на возможность формирования новых риторических отношений возникает ситуация, когда любой текст, даже такой как (25), может быть признан связным, поскольку всегда можно создать недостающее риторическое отношение, например, *Сообщение-о-происшествии-и-упоминание фрукта* (англ. inform-accident-and-mention-fruit).

(25) #John broke his leg. I like plums. [Knott 1996: 35]

‘Джон сломал ногу. Я люблю сливы.’

Далее, для У. Манна и С. Томпсон риторические отношения являются исключительно смысловыми, а формальные свойства не учитываются [Mann, Thompson 1988: 244-245]. В последующих работах, напротив, отмечается, что возможные языковые манифестации риторических отношениях являются важным критерием для обоснования их правомерности, см., например, [Knott, Sanders 1998; Kehler 2002].

В целом, завершая краткий обзор TRC, следует подчеркнуть, что эта теория является одной из наиболее обсуждаемых и активно используемых в лингвистике и смежных областях. Детальный обзор TRC на русском языке см., например, в [Литвиненко, Кибрик, Подлеская 2009: 431 и след.; Кибрик 2019: 153–156].

3.1.2. Подход К. Ясинской и Е. Карагесовой

В нашей работе мы опираемся на версию ТРС, предложенную в [Jasinskaja, Karagjosova 2021]. В данной модификации авторы стремились учесть критику положений ТРС, сохраняя при этом достоинства исходной версии. Во-первых, в их модели дано мотивированное обоснование включения в список тех или иных риторических отношений, что решает проблему произвольности их отбора. Вслед за Дж. Гоббсом [Hobbs 1985] и А. Келером [Kehler 2002] К. Ясинская и Е. Карагесова предлагают использовать только те отношения, которые опираются на общие когнитивные принципы из «Трактата о человеческой природе» Д. Юма – сходство, смежность, причинно-следственные отношения. Таким образом, получившийся набор включает риторические отношения *Детализации*, *Контраста*, *Объяснения*, *Параллели*, *Повествования* и *Результата*, из которых *Повествование* опирается на принцип смежности, *Объяснение*, *Результат* и тип *Контраста* «противоречие ожиданиям» (см. ниже) относятся к причинно-следственным отношениям, а остальные отношения базируются на принципе сходства. Также предложенные риторические отношения работают на реальном языковом материале, что подтверждается более ранними исследованиями авторов [Jasinskaja, Zeevat 2009; Jasinskaja 2010].

Сами риторические отношения могут быть охарактеризованы следующим образом:

Объяснение вводит причину, по которой произошло то или иное событие, по которой говорящий верит в истинность произносимого или по которой он решил что-либо сказать. В отношениях *Объяснения* сначала следует следствие, затем причина (*Я пришел, потому что соскучился*).

Детализация возникает между двумя фрагментами текста в том случае, когда второй из них выражает другими словами ту же мысль, что и первый, например, дает более детальную информацию (*Вася сделал сегодня важное дело: он закончил свою книгу*).

Параллель имеет место между двумя фрагментами текста в том случае, когда они демонстрируют сходство с точки зрения формы и контекста (*Маша водит машину, и Саша тоже*).

Контраст соединяет фрагменты с противоположным или противоречащим друг другу содержанием. В [Jasinskaja, Karagjosova 2021] даны четыре типа контраста: семантическая оппозиция (*Петя высокий, а Вася маленького роста*), аргументативный контраст (*Сережки красивые, но дорогие*), противоречие ожиданиям (*Витя спортсмен, но не умеет плавать*) и нарушение плана (*Даша побежала за собакой, но упала*).

Повествование возникает между фрагментами дискурса, семантика которых предполагает,

что события происходят одно за другим (*Погас свет, и начался фильм*).

Результат вводит следствие какой-либо ситуации. В отношениях *Результата* сначала следует причина, затем следствие (*Я соскучился и (потому) пришел*).

Авторы отмечают, что между риторическими отношениями в их модели и исходной версии ТРС не всегда имеется соответствие. Например, *Объяснение* не имеет прямого и однозначного соответствия в модели У. Манна и С. Томпсон, а пересекается сразу с несколькими риторическими отношениями из ТРС: *Обоснование (Justification)*, *Мотивация (Motivation)*, *Волевая причина (Volitional cause)*, *Неволевая причина (Non-volitional cause)* и др. Также следует отметить, что, как и в традиции ТРС, риторические отношения в модели К. Ясинской и Е. Карагесовой работают для монологических текстов. В следующем разделе мы рассмотрим их применение к нашему материалу.

3.2. Анализ риторических отношений, в которые вступают тавтологии

В этом разделе мы рассмотрим, в какие риторические отношения вступают тавтологии, на материале английского языка⁸. Следуя традиции ТРС [Mann, Thompson 1988], мы берем только монологические тексты, т.е. в анализируемых примерах тавтология и фрагменты дискурса, с которыми она вступает в риторические отношения, принадлежат одному говорящему. Как и в исследовании роли общего знания при интерпретации тавтологий, изучались конструкции с именами собственными, например, *Эйнштейн есть Эйнштейн*, чтобы исключить влияние языкового значения⁹ на общую интерпретацию и использование конструкций в дискурсе.

Опираясь на сведения из литературы, мы сформировали ряд предположений о функционировании тавтологий в дискурсе, их роли в риторических отношениях и возможных ограничениях. Релевантными для нашей работы были наблюдения об аргументативной силе тавтологий¹⁰, их использовании в качестве завершения темы, комментарии об имплицитной передаче информации как ключевой функции тавтологий [Wierzbicka 1987; Levinson 1983; Miki 1996; Булыгина, Шмелев 1997; Snider 2015]. Так, оценка тавтологии как весомого, действенного аргумента позволяет предположить, что говорящий будет использовать ее в риторическом

---

⁸ О риторических отношениях, в которые вступают тавтологии, на материале испанского языка см. [Escandell-Vidal, Vilinbakhova 2022].

⁹ В рамках экстралингвистического знания, связанного с антропонимом, можно выделить, с одной стороны, доантропонимический компонент (происхождение частей имени), собственно антропонимический компонент (информация о человеке, который носит это имя), и постантропонимический компонент (свойства, за которые человека могут уподобить Эйнштейну и даже назвать так), см. [Клубков 2001].

¹⁰ См., например, комментарий А. Вежбицкой о том, что сама структура конструкции и ее логически неоспоримая истинность в буквальном значении убеждает адресата, что передаваемое говорящим сообщение является правильным и справедливым, см. [Wierzbicka 1987: 109].

отношении *Контраста* в качестве второго, решающего аргумента, но не первого, опровергаемого аргумента, или в отношении *Объяснения* в качестве обоснования ситуации. Далее, комментарии об употреблении тавтологии в качестве завершения темы указывают, что конструкции будут использоваться в качестве конечного элемента тематически единого фрагмента текста, т.е. вступать в риторические отношения с предшествующими, но не последующими фрагментами дискурса. Наконец, наблюдение о том, что одна из основных функций тавтологий — имплицитная передача информации, см. [Miki 1996], ведет к предположению, что маловероятно отношение *Детализации*, где тавтология является ядром, которая затем расшифровывается последующим фрагментом — сателлитом.

Корпус английских конструкций, рассматриваемый в [Vilinbakhova, Escandell-Vidal 2021], включал тавтологии с именами знаменитостей: политиков, спортсменов, звезд шоу-бизнеса (актеров и певцов), интеллектуалов (писателей и ученых), из англоязычных новостных и развлекательных текстов СМИ. Примеры тавтологий были размечены по следующим параметрам:

- (28) риторические отношения конструкции с предшествующим фрагментом дискурса (*Детализация, Контраст, Параллель, Повествование, Объяснение, Результат*);
- (ii) риторические отношения конструкции с последующим фрагментом дискурса;
- (iii) роль конструкций в риторических отношениях с предшествующим фрагментом дискурса (главная часть, или ядро, vs. зависимая часть, или сателлит);
- (iv) роль конструкций в риторических отношениях с последующим фрагментом дискурса;
- (v) языковое выражение, указывающее на риторические отношения конструкции с предшествующим фрагментом дискурса (например, *потому что, в результате* и др.);
- (vi) языковое выражение, указывающее на риторические отношения конструкции с последующим фрагментом дискурса.

По результатам было выявлено, что относительно риторических отношений, в которых участвуют тавтологические высказывания, ожидания об ограничениях, основанные на предшествующих исследованиях, не подтвердились. В собранном корпусе тавтологии используются во всех риторических отношениях из набора [Jasinskaja, Karagjosova 2021] как в роли ядра, так и сателлита. Более того, оказалось, что наиболее распространенным риторическим отношением оказалось как раз отношение *Детализации* (60%), когда тавтология является ядром и сопровождается эксплицитно выраженным сообщением¹¹. Так, в (26) говорящий предлагает переименовать аэропорт Нэшвилла в честь Опры Уинфри и использует

---

¹¹ Возможное объяснение использования тавтологий с эксплицирующим комментарием предложено в [Вилинбахова 2022].

тавтологию, за которой следует комментарий, эксплицирующий передаваемое сообщение. Также не подтвердилось ожидание об использовании конструкции в качестве конечного элемента тематически единого фрагмента текста в собранном корпусе (4%); в остальных случаях тавтологии вступали в риторические отношения с последующим фрагментом дискурса.

(26) *I think this makes Nashville uniquely positioned to do something that has not traditionally been done. <...> I mean, **Oprah is Oprah!** She is one of the most influential people in the world.* [<https://kdvr.com/2018/12/14/28ashville-politician-proposes-renaming-airport-after-oprah/>]

‘Я думаю, что это даст Нэшвиллу уникальную возможность совершить что-то, что обычно не совершалось. <...> Я хочу сказать, Опра – это Опра! Она является одной из самых влиятельных персон на Земле.’

С другой стороны, подтвердились наблюдения из литературы об аргументативной силе тавтологий: они активно используются в качестве второго, решающего аргумента в отношении *Контраста* (32%) и причины в отношении *Объяснения* (15%). В (27) говорящий утверждает, что несмотря на недостатки обсуждаемой конкретной книги Агаты Кристи (аргумент), она всегда хорошо пишет, и ее в любом случае интересно читать (контраргумент, где используется тавтология *Кристи это Кристи*). В (28) тавтология *Джонни Депп – это Джонни Депп* используется как объяснение того факта, что женщины прощают актеру все его недостатки.

(27) *<...> this book was more expensive than the Poirot collection and is slightly disappointing as it features arguably less good quality stories overall. Having said that, **Christie is Christie** and even at her worst, the plots are clever and engaging.* [<https://www.amazon.co.uk/Miss-Marple-Mystery-Complete-Stories/dp/0007284187>]

‘эта книга была дороже, чем сборник рассказов об [Эркюле] Пуаро, и она немного разочаровывает, потому что в целом качество рассказов в ней, кажется, хуже. Признавая это, отмечу, что Кристи – это Кристи, и даже при худшем раскладе у ее историй умные и увлекательные сюжеты.’

(28) *Johnny Depp has been melting women’s hearts for almost 40 years. Women forgive him everything they usually don’t like in a man. Alcohol. Mumbling. Silver teeth. Yes, even his torn jackets. Why? Because **Johnny Depp is Johnny Depp.*** [<https://www.adam-themagazine.com/en/johnny-depp>]

‘Джонни Депп растапливает женские сердца уже почти 40 лет. Женщины прощают ему все, что им обычно не нравится в мужчинах. Алкоголь. Бормотание. Серебряные зубы. И даже его рваные куртки. Почему? Потому что Джонни Депп — это Джонни Депп.’

В целом, в нашей работе мы проанализировали риторические отношения, в которые вступают тавтологические конструкции, на материале английского языка. Использовался набор

риторических отношений из модели [Jasinskaja, Karagjosova 2021], в которой, с одной стороны, сохраняется преемственность с исходной версией ТРС, изложенной в [Mann, Thompson 1988], а с другой стороны, учтена критика по отношению к отдельным положениям ТРС. С опорой на предшествующие наблюдения об аргументативной силе тавтологий, их использовании для завершения темы и функции имплицитной передачи информации, мы сделали предположения об их функционировании в дискурсе и роли в конкретных риторических отношениях, которые подтвердились только частично. Так, было выявлено, что в соответствии с комментариями в литературе об аргументативной силе тавтологий, конструкции используются как второй, решающий аргумент в риторическом отношении *Контраста*, а также в качестве причины в отношении *Объяснения*. Напротив, наблюдения об использовании тавтологий для завершения темы или их ключевой функции имплицитной передачи информации не нашли подтверждения в собранном материале. Было показано, что тавтологии вступают в отношение *Детализации*, когда за конструкцией следует фрагмент, эксплицирующий передаваемое сообщение. Таким образом, по нашим данным, имплицитная передача информации не является основной функцией конструкции: по-видимому, говорящий не всегда считает тавтологическую форму достаточно надежной, чтобы донести нужную информацию до адресата, и потому прибегает к дополнительной экспликации своего сообщения.

4. Взаимодействие тавтологий с модификаторами и их вклад в общую интерпретацию

Статья, выносимая на защиту: [Vilinbakhova, Escandell-Vidal 2019].

В настоящем разделе речь идет о тавтологиях вида *Работа есть работа*, которые взаимодействуют с различными группами модификаторов: (i) выражениями, указывающими на индивидов, в отношении которых соответствующее суждение является истинным, см. (29); (ii) пространственно-временными модификаторами, см. (30); (iii) универсальными кванторами, см. (31).

(29) Для меня правила есть правила.

(30) В России друзья – это друзья.

(31) Бизнес всегда бизнес.

Поскольку тавтологии аналитически истинны, т.е. истинны во всех возможных мирах вне зависимости от сопутствующих обстоятельств, их ограничение определенными условиями, что

происходит в случаях (i) и (ii), создает противоречие, а дополнительное указание на их универсальность, как в случае (iii), кажется излишним. Таким образом, данные случаи должны вызывать затруднения при интерпретации, но этого не происходит.

В предшествующих исследованиях рассматриваемые здесь случаи упоминаются, см. [Rhodes 2009; Sakai 2012; Snider 2015], но вклад модификаторов не учитывается и не обсуждается: примеры типа (29-31) анализируются так же, как и остальные случаи с исходной структурой *X cop X*. Нам кажется, напротив, что данные примеры заслуживают более внимательного анализа. Например, для (29) возможны как минимум два прочтения: ‘я считаю, что правила следует выполнять’ и ‘правила применяются в полной мере ко мне, но не к другим индивидам’ – как можно их объяснить и какую роль играет предложная группа? В нашем исследовании будут рассмотрены тавтологии с модификаторами в отношении возможных стратегий их интерпретаций и той роли, которую играют модификаторы. Работа выполнена на материале английского языка, использовались примеры из Корпуса современного американского английского языка и интернет-источников.

Изложение построено следующим образом. Раздел 4.1 посвящен взаимодействию с тавтологиями двум типам предложных групп – оценочных предложных групп и групп функционального стандарта. В разделе 4.2 обсуждаются тавтологии с пространственно-временными модификаторами. В разделе 4.3 рассматриваются тавтологии с универсальными кванторами.

4.1. Взаимодействие тавтологий с оценочными предложными группами и группами функционального стандарта

Первая группа интересующих нас модификаторов – это предложные группы, которые указывают на лицо или группу лиц, имеющих отношение к ситуации, описываемой тавтологической конструкцией, см. (32-34).

(32) *For me money is money and I don't mind my parents borrowing money from me on occasions and not paying back right away.* [<https://forums.soompi.com/en/topic/260421-money-argument/>]

‘Для меня деньги – это деньги, и я не возражаю, чтобы мои родители иногда занимали у меня деньги и не возвращали сразу.’

(33) *I worked there for a while and I had my ups and downs with the company. But me I'm a worker and I love to be worked. I'm a mother of three and a god child so **work is work for me.***

[<https://www.indeed.com/cmp/Labor-Staffing/reviews>]

‘Я работала там некоторое время, и у меня были свои радости и сложности с этой компанией. Но я

работница, и я люблю работать. Я мать троих детей и еще имею крестного ребенка, так что для меня работа – это работа.’

(34) “**People are people to me, and everyone should be protected,**” he told *The Washington Post* in a May 2016 interview. [https://www.washingtonpost.com]

‘“Для меня люди – это люди, и все должны быть защищены”, — сказал он [Трамп] Вашингтон Пост в интервью в мае 2016 года.’

Кажется, что эти примеры похожи друг на друга, а предложные группы ничего не добавляют к содержанию тавтологий, однако если мы уберем их, значение высказываний меняется. Так, в (32’), по сравнению с (32), позиция говорящего кажется более категоричной, создается впечатление, что альтернативная точка зрения – ждать от родителей возвращения долга в срок – не принимается говорящим. Пример (33’) кажется неестественным: не очень понятно, каким образом из утверждения о многодетности героини следует вывод о том, что работа – это работа. В (34’) теряется контраст между Трампом и носителями другого мнения, который подчеркивается в исходном сообщении.

(32’) **Money is money and I don't mind my parents borrowing money from me on occasions and not paying back right away.**

‘Для меня деньги – это деньги, и я не возражаю, чтобы мои родители иногда занимали у меня деньги и не возвращали сразу.’

(33’) **I'm a mother of three and a god child so ??work is work.**

‘Я мать троих детей и еще имею крестного ребенка, так что работа – это работа.’

(34’) **People are people, and everyone should be protected**

‘Люди – это люди, и все должны быть защищены.’

Различный вклад предложных групп в общую интерпретацию конструкций объясняется принадлежностью данных групп к разным классам. Для нашего исследования важны следующие классы: оценочные предложные группы¹² (англ. judge-PPs), как в (35), и группы функционального¹³ стандарта (англ. functional standard constructions), как в (36).

(35) *This cake is tasty for Paul.* [Bylinina 2012: 145]

¹² Мы используем здесь и в [Вилинбахова 2021] данный термин как кальку английского термина judge prepositional phrase. Возможная альтернатива – «предложная группа, указывающая на субъекта квалификации», см. [Гращенко, Кобозева 2017]. Мы благодарим Е. В. Горбову за важный комментарий по этому вопросу.

¹³ В [Гращенко, Кобозева 2017] используется также термин «целевой стандарт».

‘Полу этот пирог кажется вкусным.’ (букв. ‘Этот пирог вкусен для Пола.’)

(36) *The soup is somewhat hot for me.* [Bylinina 2012: 147]

‘Суп слишком горячий для меня.’

Оценочные предложные группы обсуждаются в литературе в связи их употреблением в субъективных высказываниях с предикатами вроде *вкусный, интересный* и пр., см. [Lasersohn 2005; Stephenson 2007; Stojanovic 2007; Anand 2009; Moltmann 2010; Kennedy 2013; Pearson 2013; Bylinina 2014, 2017; Ninan 2014; Umbach 2016; Solt 2018]¹⁴. Они могут использоваться как для указания на индивида, выступающего субъектом оценки, см. (35), так и для привлечения внимания к контрасту между говорящим и другими людьми. В оценочных предложных группах в английском языке возможно употребление предлогов *for* или *to*, в отличие от групп функционального стандарта, где предлог *to* невозможен [Bylinina 2012].

Группы функционального стандарта указывают, что свойство объекта следует рассматривать в аспекте его применения индивидом¹⁵ в определенной ситуации [Kagan, Alexejenko 2010; Bylinina 2012], например, в (36) суп оказывается слишком горячим для того, чтобы говорящий мог его съесть. Л. Макнелли и Е. Былинина отмечают, что использование групп функционального стандарта меняет интерпретацию прилагательных, которым соответствуют градуальные значения, типа *высокий, глубокий, горячий* и др., относящихся к «расплывчатым» предикатам (см. выше 2.1.1). Поскольку эксплицитно устанавливается точка отсчета, или стандарт, становится возможным однозначно определить, когда именно суп становится горячим, бассейн глубоким и пр., т.е. соответствующие прилагательные в сочетании с группами функционального стандарта интерпретируются как определенные предикаты типа *мертвый, нечетный* и пр. [McNally 2011; Bylinina 2012].

Рассмотрим теперь, как данные классы взаимодействуют с тавтологическими конструкциями. Примеры оценочной предложной группы даны в (32) или (34) выше, когда говорящий является субъектом оценки, ответственным за высказываемое мнение. В (32) это точка зрения, согласно которой, для говорящего деньги менее важны, чем семейные отношения, в (34) – заявление Трампа о равенстве людей и их значимости, независимо от их ориентации. В (34) также присутствует контраст по отношению к менее толерантной позиции другого кандидата в президенты Хилари Клинтон.

---

¹⁴ О применении теорий субъективности к анализу сравнительных конструкций с тождественными словоформами см. [Вилинбахова 2021].

¹⁵ В отличие от оценочных предложных групп, группы функционального стандарта могут отсылать не только к индивидам, но и к другим сущностям, см. (i)
(i) *This car is expensive for our show.* [Bylinina 2012:12]

Примеры группы функционального стандарта представлены в (33) выше и (37). Так, в (33) необходимость кормить семью заставляет говорящего работать в полную силу и лишает ее возможности выбора и поиска более благоприятных условий, какой бы она не была. В (37) стюарды Формулы-1 более строго следят за соблюдением правил в отношении гонщика Кевина Магнуссена, чем его соперника Льюиса Хэмилтона, поэтому для Магнуссена правила работают буквально, а для Хэмилтона выборочно.

(37) *Keith has spoken strongly against, that the stewards would have acted otherwise if it was Hamilton, which did the offense, for which Magnussen was relegated to the pitlane. <...> For Magnussen rules are rules, but for Hamilton an excuse can be found.*

[<https://www.racefans.net/2016/04/02/hamilton-summoned-stewards-pit-lane-reversing/>]

‘Кит выступил категорически против, он сказал, что стюарды действовали бы иначе, если бы это Хэмилтон совершил нарушение, за которое Магнуссен был переведен на пит-лейн. <...> Для Магнуссена правила есть правила, а для Хэмилтона можно найти оправдание.’

В обоих случаях группы функционального стандарта сигнализируют, что мы имеем дело с метаязыковыми глубинными тавтологиями [Bulhof, Gimbel 2001], т.е. конструкции указывают на способ понимания языкового выражения в соответствии с его буквальным значением (см. 2.1.1 выше). Таким образом, группы функционального стандарта работают для тавтологий в соответствии с их описанием в литературе: они содержат инструкции об интерпретации языковых выражений как определенных, имеющих четкие границы, в конкретной ситуации, которая включает упомянутое лицо.

4.2. Взаимодействие тавтологий с пространственно-временными модификаторами

Следующая группа модификаторов включает пространственные и временные языковые выражения, которые устанавливают рамки для интерпретации пропозиции, содержащейся в предложении [Maienborn 2001: 191]. Конкретная интерпретация зависит от контекста и может варьироваться от собственной локативной до эпистемической. Например, для (38) с пространственным модификатором *in Italy* ‘в Италии’ К. Майенборн и М. Шефер приводят три возможных прочтения: (i) ‘Марадонна был женат, когда жил в Италии’; (ii) ‘Марадонна считался женатым по итальянскому законодательству’; (iii) ‘жители Италии верили, что Марадонна был женат’.

(38) *In Italy, Maradona was married.* [Maienborn, Schäfer 2011]

‘В Италии Марадонна был женат’

Рассмотрим сначала стратегии интерпретации для тавтологий с пространственными модификаторами. Собственно локативная интерпретация представлена в (39): предложная группа указывает исключительно на пространственные рамки, а сама тавтология имеет прочтение: ‘деловые интересы важнее, чем остальные факторы’. Следует отметить, что в (39) возникает также интерпретация контраста: указание на определенную локацию, в которой тавтология верна, дает понять, что есть другие локации, где ситуация отличается. Из расширенного контекста следует, что такой страной является Норвегия, где используются экологически безопасные методы.

(39) *The grim reality is oil is still underpriced and readily available, and as long as we have cheap oil, we will be able to afford the “Status Quo”, a terrible state of affairs, but in America, “business is business” even as we go down the tubes to Hell.* [<https://insteading.com/blog/japanese-researchers-turn-cow-dung-into-fuel-say-can-use-human-waste-too/>]

‘Мрачная реальность такова, что нефть по-прежнему недооценена и легкодоступна, и пока у нас есть дешевая нефть, мы сможем позволить себе "статус-кво"; это ужасное положение дел, но в Америке "бизнес есть бизнес", даже когда мы спускаемся по трубам в ад.’

Таким образом, от адресата ожидается (а) определить, где именно ситуация отличается от положения дел, описываемого тавтологией; (б) какое именно прочтение имеет тавтология; (в) какую роль играет контраст в общем контексте беседы.

В (40) представлена эпистемическая интерпретация (в терминологии [Maierborn 2001]): модификатор имплицитно указывает на носителей определенного мнения, которые находятся в указанном месте. В данном случае говорящий утверждает, что люди, которые живут в Европе, разделяют мнение о том, что вне зависимости от происхождения и цвета кожи представители любой расы являются полноценными людьми. Речь идет не о юридических правах и реальных привилегиях, а об убеждениях, и, как и в (39), присутствует контраст, в данном случае, с жителями Америки.

(40) A: *How are U.S. born Latino-Americans perceived abroad, particularly Europe?*

B: *There is absolutely no opinion at all. Here in Europe people are people, exactly how it should be <...> in general you can walk down the street being any ethnicity or background as a normal person. In Western Europe at least. I guess the USA is different* [<https://www.quora.com/How-are-U-S-born-Latino-Americans-perceived-abroad-particularly-Europe>]

‘А: Как латиноамериканцев, родившихся в США, воспринимают за границей, а именно, в Европе?’

Б: Нет никакого особого восприятия. У нас в Европе люди есть люди, именно так, как и должно быть <...> как правило, вы можете идти по улице, имея любую этническую принадлежность или

происхождение, и вас будут воспринимать как нормального человека. По крайней мере, в Западной Европе. Я думаю, что в США ситуация другая.’

Наконец, следует отметить случаи, когда модификатор относится не ко всей тавтологии, а только к субъекту. Так, в (41) обсуждается ситуация, когда американский мэр арестован по подозрению в совершении преступления. Собеседник А утверждает, что происходит охота на ведьм, потому что в Америке многоступенчатая система контроля за чиновниками, т.е. совершить преступление технически сложно, однако Б возражает, что при желании мэр мог найти такую возможность, и американцы такие же люди, как и все остальные, т.е. не являются непогрешимыми. В таких примерах речь уже не идет о тождестве между субъектом и предикатом, однако в буквальном смысле предложение остается аналитически истинным: ‘люди в Америке – это люди’.

(41) A: *I am not saying the mayor is perfect but this is a damn witch hunt and you all know it!*

B: *Witch hunt? You sound like one of those people who believes so deeply in the image of government that anything that shatters that image must be a "Witch hunt." It's unfortunate but true... **In America people are people like anywhere else.*** [<https://www.mtdemocrat.com/news/placerville-mayor-arrested/>]

‘А: Я не говорю, что мэр идеален, но то, что сейчас происходит, – это проклятая охота на ведьм, и вы все это знаете!

В: Охота на ведьм? Вы говорите как один из тех людей, которые так глубоко верят в образ правительства, что все, что разрушает этот образ, должно быть "охотой на ведьм". Печально, но факт... В Америке люди такие же люди, как и везде.’

Для тавтологий с временными модификаторами действуют сходные стратегии. В (42) модификатор указывает исключительно на временной период¹⁶, когда имеет место ситуация, описываемая тавтологией *work is work* ‘работа есть работа’. Так же, как в примерах выше, возникает интерпретация контраста: в прошлом говорящий не разделял работу и дом, а в настоящее время приоритеты изменились, и работа остается в офисе.

(42) *I don't take work home anymore because I know where that leads-to not taking care of myself and bingeing.*

*Now **work is work** and home is peace, or at least the pursuit thereof.* [COCA, Magazine Essence, 1999 (January)]

‘Я больше не беру работу домой, потому что знаю, к чему это приводит — к тому, что я не забочусь о себе и переедаю. Теперь работа — это работа, а дом — это покой или, по крайней мере,

---

¹⁶ Ср. понятие «временная локализация», которую А. В. Бондарко определяет как «конкретность, определенность местоположения действия и ситуации на временной оси» [Бондарко 2002: 443].

стремление к нему.’

Далее, в (43) представлена эпистемическая интерпретация: речь идет об определенном понимании искусства, которое разделяют люди, живущие в нынешнюю эпоху.

(43) *Conceptual Art did away with the boundaries between theory and art. Today, art is art. Art is self-reflexive. Art is anything that we declare as "art".*

[https://www.kqed.org/arts/14160/2006_seca_art_awards_at_sfmom]

‘Концептуальное искусство разрушило границы между теорией и искусством. Сегодня искусство есть искусство. Искусство саморефлексивно. Искусство — все, что мы объявляем "искусством".’

Нам не встретились примеры, в которых контекст однозначно указывает, что временные рамки относятся только к субъекту, однако, как представляется, такое прочтение является одним из возможных для (44): ‘мужчины в прошлом были мужчинами и показывали это на деле’.

(44) *In past times men were men, and showed it in action and in deed.*

[<https://eu.augustachronicle.com/story/opinion/letters/2017/01/26/let-s-get-back-god/14270565007/>]

‘В прошлые времена мужчины были мужчинами и показывали это на деле.’

В целом, описанные стратегии интерпретации направлены на то, чтобы адресат мог найти смысл во взаимодействии тавтологий – аналитически истинных высказываний, которые справедливы везде и при любых обстоятельствах, и модификаторов, которые выступают как пространственные или временные рамки. Как было показано выше, такие рамки могут относиться к пропозиции в целом при собственно локативной или временной интерпретации, к группе лиц – носителей убеждений, выраженных тавтологией, при эпистемической интерпретации, и к субъекту тавтологии, что и позволяет объяснить различные варианты прочтения данной группы примеров.

4.3. Взаимодействие тавтологий с универсальными кванторами

В данном разделе мы рассмотрим примеры, в которых тавтологии сочетаются с наречиями, выражающими универсальную квантификацию, как в (45-46).

(45) *Well, words are always words, and if words are not backed by deeds, then I'm not inclined to trust them.*

[COCA, SPOK:PBS_Newshour, 1990/12/26]

‘Что ж, слова всегда остаются словами, а если слова не подкреплены делами, то я не склонна им доверять.’

(46) *You know **politics is politics everywhere**. And politics at the U.N. is exactly like politics in D.C.* [<https://s3.us-east-2.amazonaws.com/defenddemocracy/uploads/documents/FDD-Summit-Ambassador-Haley.pdf>]

‘Вы знаете, политика везде остается политикой. И политика в ООН точно такая же, как политика в Вашингтоне.’

В отличие от примеров, рассмотренных выше, в которых значение модификаторов противоречит буквальному значению тавтологий, универсальные кванторы дублируют его, а потому кажутся избыточными. Таким образом, вклад модификаторов в общую интерпретацию не предполагает разрешения противоречия, а состоит в том, чтобы подчеркнуть тавтологическую природу высказывания. Универсальные кванторы указывают на конкретное прочтение конструкции, а именно – их отнесение к классу глубинных тавтологий [Bulhof, Gimbel 2001], см. 2.1.1. В данном случае выполняется условие неотчуждаемости: если объект отвечает условиям, достаточным, чтобы быть сущностью *x*, то никакие дополнительные свойства не могут исключить его из класса *X*. Так, в (45), по мнению говорящего, слова, какими бы значимыми они не казались, остаются словами. В (46) говорящий утверждает, что независимо от места суть политики остается неизменной.

Следует отметить, что универсальные кванторы могут сочетаться с пространственно-временными модификаторами, см. (47). С одной стороны, квантор показывает, что используется глубинная тавтология ‘аутсайдеры не перестают быть аутсайдеры с течением временем’, с другой стороны, это положение дел имеет место в конкретном городе. Это позволяет предположить, что в других городах ситуация отличается: аутсайдеры со временем принимаются обществом.

(47) *Felice couldn't say what made her decide on Cherry Lick. It wasn't their sort of town. **Outsiders were always outsiders here**.* [COCA, Fantasy and Science Fiction, 2006 (April)]

‘Феличе не могла сказать, что заставило ее выбрать Черри Лик. Это был не их город. Здесь чужаки всегда были чужаками.’

В целом, в нашей работе мы рассмотрели способы интерпретации тавтологий при взаимодействии с модификаторами разных типов: оценочными предложными группами, группами функционального стандарта, пространственно-временными модификаторами и универсальными кванторами, а также проанализировали их вклад в общую интерпретацию. Так, оценочные предложные группы указывают на индивида, который осознанно разделяет точку зрения, выраженную тавтологией, а группы функционального стандарта сообщают, что в отношении индивида имеет место ситуация, описываемая конструкцией, независимо от его

выбора. При анализе тавтологий с пространственно-временными модификаторами было показано, что возможна собственно локативная / собственно временная интерпретация, эпистемическая интерпретация, а также случаи, когда модификации подвергается только субъект. Наконец, было выявлено, что универсальные кванторы и группы функционального стандарта указывают на прочтение конструкции как глубинной тавтологии.

5. Отрицательные тавтологии и противоречия

Статьи, выносимые на защиту: [Вилинбахова 2017; Escandell-Vidal, Vilinbakhova 2019].

В данном разделе рассматриваются структуры с повторами и отрицанием вида *Лето уже не лето (и осень не за горами)*. В литературе они упоминаются в связи с обсуждением тавтологий, устанавливающих тождество, см. [Horn 1989; Булыгина, Шмелев, 1997; Giora 2007; Meibauer 2008]. В англоязычных работах используется название «отрицательные тавтологии» (англ. *negated tautologies*), т.е. тавтологии в сфере действия отрицания. Тем не менее, если мы посмотрим на примеры, которые приводят авторы, потребность привлечения соответствующих исходных тавтологий варьируется.

(48) *A: What brand of motor oil do you use?* [Horn 1989: 562]

B: [starting car engine]: Motor oil is motor oil.

[Smoke belches out of B's exhaust.]

*Voice-over: **Motor oil is definitely NOT motor oil** (from a commercial for Quaker State Motor Oil).*

‘А: Какую марку моторного масла вы используете?’

Б: [запускает двигатель автомобиля]: Моторное масло — это моторное масло.

[Дым вырывается из выхлопной трубы Б.]

Голос за кадром: Моторное масло точно НЕ моторное масло (из рекламы Quaker State Motor Oil).’

(49) *A rose is a rose but **a home is not a home.*** [Giora 2007: 136]

‘Роза – это роза, но дом, это не дом.’

(50) *Die Stones sind nicht die Stones* [Meibauer 2008: 448]

‘Роллинг Стоунз – это не Роллинг Стоунз’.

Так, в примере (48) Л. Хорна из рекламы моторного масла отрицанию подвергается используемая в предыдущей реплике тавтология *Motor oil is motor oil*, и реплика за кадром с интересующей нас структурой направлена на опровержение идеи равноценности разных сортов машинного масла, которую исходная тавтология и транслирует. В (49) говорящий отрицает определенный набор свойств, которые входят в представление о доме, но не очень понятно,

требуется ли для интерпретации обращение к тавтологии *дом есть дом*. Наконец, в (50) говорящий подчеркивает различие между группой Роллинг Стоунз в молодости и в более позднее время, и привлечение тавтологии *Роллинг Стоунз – это Роллинг Стоунз* для понимания примера не требуется.

Далее мы рассмотрим, можно ли утверждать, что данные структуры являются «отрицательными тавтологиями», а также проанализируем, какие прочтения для них возможны и что лежит в основе их различий. Работа выполнена на материале русского и испанского языков с привлечением английских и немецких примеров из литературы. Отрицательные тавтологии рассматриваются в разделе 5.1. Класс противоречий описан в разделе 5.2.

5.1. Отрицательные тавтологии

Если анализировать рассматриваемые примеры как отрицательные тавтологии, то предполагается, что интерпретация проходит в два этапа: во-первых, идентификация исходной тавтологии и транслируемого ею сообщения, а во-вторых, ее отрицание. Таким образом, получается, во-первых, что мы имеем дело не с описанием положения дел в мире, а с его репрезентацией, выраженной исходной конструкцией, а во-вторых, что различные прочтения отрицательных структур напрямую зависят от соответствующих исходных тавтологий.

С одной стороны, такая трактовка согласуется с анализом примера (48), который приводится Л. Хорном в контексте обсуждения отрицания особого типа – метаязыкового отрицания, направленного не на описание положения дел в мире, а на языковое выражение, включая его формальные признаки, импликатуры и пресуппозицию¹⁷ [Horn 1989: 363]. В (48) представлена метаязыковая глубинная тавтология, которая подразумевает выполнение одного из двух условий – неотчуждаемости и равноценности [Bulhof, Gimbel 2001], см. также 2.1.1, и метаязыковое отрицание направлено именно против импликатуры равноценности, т.е. мы получаем отрицательную глубинную тавтологию.

С другой стороны, при обращении к тавтологиям, отсылающим к экстралингвистическому знанию, где транслируемое сообщение в большей степени зависит от контекста, см. [Grice 1975; Падучева 2004; Meibauer 2008], их отрицание не всегда приводит к ожидаемым результатам. Возьмем пример из работы Й. Майбауэра (51), где в контексте 1 с помощью тавтологии выражается одобрение Кену, а в контексте 2 – фаталистическое отношение к происходящему.

---

¹⁷ Ср. наблюдения о противопоставительном и метаязыковом отрицании на материале русского языка в [Богуславский 1985; Богуславский, Вилинбахова 2022].

(51) *Speaker A: Ken bought the enterprise for next to nothing.* [Meibauer 2008: 444]

*Speaker B: **Business is business.***

Context 1: +> 'That was very clever of Ken'

Context 2: +> 'There is nothing one can do about it'

‘Говорящий А: Кен купил предприятие практически за бесценок.

Говорящий Б: Бизнес есть бизнес.

Контекст 1: +> 'Кен поступил очень разумно'

Контекст 2: +> 'Ничего не поделаешь’

Теперь представим контекст, где ожидается появление отрицательных тавтологий. Допустим, предприятие, купленное Кеном, принадлежало мафиозному клану, и мафия недовольна сложившейся ситуацией. В контексте 1 участники диалога – друзья Кена, и говорящий А знает о недовольстве мафии. Тем не менее, А не может использовать отрицательную тавтологию, чтобы опровергнуть высказываемое говорящим Б одобрение Кену, которое выражается исходной конструкцией. В контексте 2 участники диалога – члены мафиозного клана, и Б считает, что ситуацию изменить невозможно, а его собеседник не соглашается с ним, и в этом случае отрицательная тавтология также звучит неестественно. Этот результат согласуется с наблюдением С. Чапман, согласно которой метаязыковое отрицание не может быть направлено на частные речевые импликатуры, зависимые от контекста [Chapman 1996: 397].

(52) *Speaker A: Ken bought the enterprise for next to nothing.*

*Speaker B: **Business is business.** 'That was very clever of Ken'*

Speaker A: #Business is NOT business. It belonged to the local mafia clan, and now Ken will have problems.

‘Говорящий А: Кен купил предприятие практически за бесценок.

Говорящий Б: Бизнес есть бизнес. 'Кен поступил очень разумно'

Говорящий А: Бизнес – это НЕ бизнес. Предприятие принадлежало местному мафиозному клану, и теперь у Кена будут проблемы.’

(53) *Speaker A: Ken bought the enterprise for next to nothing.*

*Speaker B: **Business is business.** 'There is nothing one can do about it'*

Speaker A: ??Business is NOT business. We will have a serious talk with him and force him to sell it back.

‘Говорящий А: Кен купил предприятие практически за бесценок.

Говорящий Б: Бизнес есть бизнес. 'Ничего не поделаешь'

Говорящий А: Бизнес – это НЕ бизнес. Мы серьезно поговорим с ним и заставим продать предприятие обратно.’

Таким образом, анализ примеров вида *Лето уже не лето* как отрицательных тавтологий нельзя признать универсальным: он работает только для метаязыковых глубинных тавтологий, но не для тавтологий, отсылающих к экстралингвистическому знанию¹⁸. Ниже мы предлагаем другое решение.

5.2. Противоречия

Чтобы разграничивать отрицательные глубинные тавтологии от прочих случаев, обозначим последние как противоречия. Для них предлагается анализ, согласно которому два формально тождественных языковых выражения обозначают сущности, демонстрирующие сходства и различия. Сходства оправдывают употребление тождественных выражений, а различия позволяют объяснить использование отрицания.

Первая стратегия интерпретации предполагает, что тождественные языковые выражения указывают на одного и того же референта, который демонстрирует разные свойства. Для данной стратегии возможны временные, модальные и эпистемические прочтения. Так, (54) является примером временного прочтения: речь идет о разных свойствах референта – в данном случае, поведении, общественном положении и статусе героя, – в разные временные периоды.

(54) *Вдруг он увидел ясно: Арсюшка далеко уже не Арсюшка. <...> Арсений Иустинович Флоринский, действительный тайный советник, сенатор, вхож к государю, один из заправил департамента.* [Ю. В. Трифонов. Исчезновение (1981)]

При модальном прочтении возникает контраст между свойствами референта в актуальном и альтернативном мире, см. (55). В данном случае говорящий утверждает, что испытание в мире, где система является справедливой, отличается по своим характеристикам от испытания в альтернативном мире, где результаты распределены заранее.

(55) *<...> если результат заранее известен, то испытание не есть испытание.* [Сергей Прокофьев: дневники (2003) // Российская музыкальная газета, 2003.02.12]

Наконец, при эпистемическом прочтении различие свойств референта обусловлено

---

¹⁸ Й. Булхоф и С. Гимбел описывают еще один класс тавтологий – тавтологии-указатели, которые являются конвенциональными и несут значение императива [Bulhof, Gimbel 2001: 284], например, *First things first* со значением ‘делайте первостепенные вещи в первую очередь’, и ее испанский аналог (i). При отрицании (i') не может иметь прочтение ‘не делайте первостепенные вещи в первую очередь’, т.е. также не является отрицательной тавтологией.

(i) а. *Lo primero es lo primero.*

букв. ‘Первое – это первое’

(i') *Lo primero no es lo primero.*

букв. ‘Первое – это не первое’

определенными эпистемическими состояниями индивидов: так, в (56) свойства Лондона меняются только в сознании героев.

(56) *Иногда обоим, и Муре и Локкарту, казалось, что, в сущности, Лондон уже не Лондон.* [Н. Н. Берберова. Железная женщина (1978-1980)]

Вторая стратегия интерпретации противоречий предполагает, что имеет место реальная или мнимая ошибка в идентификации, т.е. разные референты обладают одним контекстно-релевантным набором свойств при разных обстоятельствах оценки. Например, в (57) говорящий в течение многих лет был убежден, что муж его матери является его отцом, а затем, прослушав в воскресной школе рассказ о телегонии, начинает сомневаться в этом и предполагает, что индивид, которого он считал отцом, больше не подходит под это описание. В (58) читатель детектива думает, что один из героев является убийцей, но затем оказывается, что это не так, под подозрение попадает новый герой, и снова он указывается невиновным, и так три раза подряд.

(57) *Так значит мой papa – вовсе не мой papa? Значит мой papa – вообще неизвестно кто...*
[коллективный. Форум (2007)]

(58) *El asesino no es el asesino como tres veces...* [<https://www.librosquevoyleyendo.com/2013/08/la-verdad-sobre-el-caso-harry-quebert-dicker-epub.html>]
'Убийца – не убийца три раза подряд.'

Наконец, в рамках третьей стратегии интерпретации мы имеем два разных референта с разными свойствами, для обозначения которых используются формально тождественные языковые выражения. В (59) речь идет о главном, центральном элементе фотографии и центральной позиции в кадре, и говорящий считает, что располагать центральный элемент следует не в центре.

(59) *...volvemos a nuestra segunda regla. Composición: el centro no es el centro.*
[https://nomadistas23.rssing.com/chan-16729993/all_p2.html]
'...мы возвращаемся ко второму правилу. Композиция: центр – это не центр.'

В целом, мы продемонстрировали, что для рассматриваемых структур с повтором и отрицанием вида *Лето уже не лето* можно выделить два разных класса: отрицательные тавтологии, где предполагается обращение к исходной конструкции, которая затем подвергается отрицанию, и противоречия, где отрицается тождество двух формально

идентичных элементов конструкции, а обращения к тавтологии не требуется. Для первого класса было показано, что в качестве исходных конструкций могут выступать только глубинные тавтологии. Для второго класса были выделены три стратегии интерпретации, в которых тождественные языковые выражения отсылают к (i) одному референту с разным набором свойств в разных условиях оценки – временных, модальных и эпистемических; (ii) двум разным референтам с одинаковым набором контекстно-релевантных свойств в разных условиях оценки; (iii) двум разным референтам с разным набором свойств.

6. Сопоставительные тавтологии

Статьи, выносимые на защиту: [Вилинбахова 2016; Escandell-Vidal, Vilinbakhova 2018].

В данном разделе обсуждаются сопоставительные тавтологии вида *Книга — это книга, а фильм — это фильм*, объединяющие как минимум две одинарные тавтологии. Отталкиваясь от наблюдений в предшествующих исследованиях, мы рассматриваем статус сопоставительных тавтологий – являются ли они отдельной конструкцией или сложной единицей, образованной композиционально, анализируем их структурные особенности и возможные интерпретации. Исследование проведено на материале русского и испанского языков с привлечением примеров из других языков из предшествующих работ. В разделе 6.1 приведены сведения о сопоставительных тавтологиях из литературы, а в разделе 6.2 представлен наш анализ.

6.1. Сведения о сопоставительных тавтологиях в литературе

Впервые сопоставительные тавтологии упоминаются А. Вежбицкой [Wierzbicka 1991], см. (60). Она рассматривает их как единую конструкцию со значением указания на непреодолимые различия между двумя сущностями, которую обозначает как «двойные тавтологии» (англ. *double tautologies*).

(60) *Borowka to borowka, a czarna jagoda to czarna jagoda.* [Wierzbicka 1991: 413]

‘Голубика – это голубика, а черника – это черника.’

Из описания А. Вежбицкой следует, что конструкция включает ровно два элемента, причем вторая часть может быть опущена, а также подчеркивает нетождественность самих референтов, но не обязательно различие их свойств. Так, она приводит пример, где один из героев телешоу думает, что две девушки, Саманта и Серена, являются одним человеком, но потом он обнаруживает, что это не так, и произносит (61). В данном случае подчеркивается, что отсутствует именно референциальное тождество между девушками, а их свойства не

обсуждаются.

(61) *You are you and she is she.* [Wierzbicka 1991: 414]

‘Ты – это ты, а (букв. ‘и’) она – это она.’

Далее сопоставительные тавтологии обсуждает Й. Майбауэр на материале немецкого языка [Meibauer 2008]. Он вводит термин *coordinated tautologies* и рассматривает их как отдельный тип тавтологий со структурой *a is a and b is b*, выделяемый наряду с устанавливающими тождество, условными, относительными и другими одинарными тавтологиями. Как и у А. Вежбицкой, сопоставительные тавтологии включают ровно два элемента.

(62) *Urlaub ist Urlaub und Krankheit ist Krankheit.* [Meibauer 2008: 449]

‘Отпуск есть отпуск, а (букв. ‘и’) болезнь есть болезнь.’

Следует отметить, что примеры данного типа также приводятся в [Okamoto 1993] на материале японского языка и в [Rhodes 2009] на материале английского языка, однако авторы рассматривают их не как отдельный тип тавтологий, а как сочетание одинарных конструкций, которых может быть более двух. Ниже мы представим свои аргументы для выбора между конструкционным и композициональным подходами к сопоставительным тавтологиям, а также наши наблюдения об их свойствах.

6.2. Структура и интерпретация сопоставительных тавтологий

Поскольку в литературе представлены различные точки зрения на природу сопоставительных тавтологий, мы анализировали, во-первых, связано ли значение контраста с конкретной формой *X cor X, a Y cor Y* в русском языке¹⁹ и *X cor X y Z cor Z* в испанском языке (по аналогии с польскими примерами А. Вежбицкой и немецкими примерами Й. Майбауэра); во-вторых, могут ли указанные формы передавать другие значения. Сбор примеров производился из НКРЯ, Корпуса испанского языка Марка Дэвиса²⁰ и интернет-источников²¹.

В результате было выявлено, во-первых, что в русском и испанском языках значение различия между двумя сущностями может выражаться не только сочетаниями с союзной, но и

---

¹⁹ В русском языке рассматривались одинарные конструкции *X есть X* и *X это X*, подробнее о различиях между ними см. [Булыгина, Шмелев 1997; Вилинбахова, Копотев 2017].

²⁰ URL: www.corpusdelespanol.org/

²¹ На испанском материале был дополнительно проведен опрос, в котором участникам предлагались сопоставительные тавтологии в разных контекстах, и им следовало выбрать одну из возможных интерпретаций, подходящий союз или возможное продолжение. Дизайн и результаты представлены в [Escandell-Vidal, Vilinbakhova 2018].

с бессюжной связью, см. (63), где речь идет о двух разных городах – Москве и Санкт-Петербурге, и (64), где говорящий указывает на необходимость разделять дом и работу.

(63) *Спрашивают, что лучше — Москва или Питер? Они очень разные, никакой из них для меня не лучше и не хуже. Москва — это Москва, Питер — это Питер.* [Гусейнов Рафаэль. Сергей Миронов: Диалог власти с народом необходим // Труд-7, 2004.07.08]

(64) *Además resulta sano no mezclar, el trabajo es el trabajo, la casa es la casa.* [<https://misgoldfish.blogspot.com/2007/08/>]

‘Кроме того, лучше не смешивать, работа это работа, дом это дом.’

Далее, в обоих языках сочетания одинарных тавтологий с союзом *но* также указывают на различие объектов относительно их силы воздействия на ситуацию (второй объект имеет больший вес, чем первый), а значит, относятся к сопоставительным тавтологиям. Следует отметить, впрочем, для таких сочетаний значение неравноценности элементов (в пользу второго элемента) — единственно возможное, а для остальных типов неравноценность — это частный случай различия между элементами, который определяется контекстом, лексическим наполнением конструкций и т. д.

Кроме того, было обнаружено, что количество конъюнктов в обоих языках может быть больше двух с сохранением значения различия между элементами, см. (65) и (66). В (65) говорящий подчеркивает разные стандарты строительства частных домов, которые приняты в перечисленных странах, а в (66) утверждает, что верность литературному тексту может быть при его киноадаптации может быть утрачена из-за самого способа передачи, а также по экономическим причинам.

(65) *Вы знаете, я могу ошибаться, но если вы построите такой дом в Канаде, то сомневаюсь, что кто-то захочет его купить. Потому что Канада — это Канада, Украина — это Украина, а Россия — это Россия. Эти страны очень сильно отличаются между собой.* [<https://immigrant.today/canada/7805-vygodno-li-stroit-samomu-sebe-dom-v-kanade-stroitelstvo-zhilja-v-toronto.htm>]

(66) *Ya, pero es lo que hay... la tele es la tele, los libros son los libros y la pela es la pela. Habrá que aceptar que son cosas distintas, aunque empezara como una adaptación fiel se está convirtiendo en... otra cosa.* [<https://www.lashorasperdidas.com/index.php/2014/05/29/la-quinta-temporada-de-juego-de-tronos-se-rodara-parcialmente-en-espana/>]

‘Да, но так оно и работает... Телевидение это телевидение, книги это книги, а деньги это деньги. Следует признать, что это разные вещи, хотя все начинается как полная адаптация, затем все

превращается... в нечто другое.’

Следующее наблюдение касается возможных значений, которые могут передавать сочетания одинарных тавтологий. На русском и испанском материале было выявлено, что даже для прототипических сопоставительных тавтологий контрастивное значение хотя и является наиболее естественным²², но оказывается не единственно возможным. Так, в (67) говорящий считает, что на войне все стороны ведут себя одинаково, и обе сущности – солдаты и война – несут разрушение и смерть вне зависимости от их принадлежности к красной или белой армии. В (68) говорящий – испанский политик Мариано Рахой – призывает с помощью одинарных тавтологий называть вещи своими именами, и обе конструкции поддерживают один аргумент.

(67) *Так меняется психология и поведение человека, в руках у которого оружие. Насколько верно сказано в кинофильме «Чапаяев»: «Белые пришли — грабят, красные пришли — грабят». Солдаты — есть солдаты, а война — есть война! Сколько бы героических сказок о ней ни сочиняли...*
[Александр Сегаль. Война, как она есть // «Звезда», 2003]

(68) *Yo comprendo que quienes están en posiciones distintas a las mías tengan que utilizar este argumento, pero realmente **un vaso es un vaso y un plato es un plato**, y esto, créame, es decir, no se lo digo como político que defiende determinadas posiciones.* [https://www.elplural.com/politica/rajoy-el-filosofo-insondable-regresa-un-vaso-es-un-vaso-y-un-plato-es-un-plato_27080102]

‘Я понимаю, что тем, кто находится в позиции, отличной от моей, приходится использовать этот аргумент, но по правде говоря, стакан это стакан, а тарелка – это тарелка и я говорю это не как политик, защищающий определенную точку зрения.’

Таким образом, по нашим данным, значение контраста, с одной стороны, не связано с конкретной формой – его могут передавать различные сочетания одинарных тавтологий с союзной и бессоюзной связью²³, а с другой стороны, не является единственным для сопоставительных тавтологий, что позволяет говорить об их композициональной природе.

---

²² О механизме возникновения значения контраста для сопоставительных тавтологий см. [Escandell-Vidal, Vilinbakhova 2018].

²³ Возможны также сопоставительные коррелятивные тавтологии, как в (i), см. [Вилинбахова 2018].

(i) *Некоторые могут подумать, что замалчивание не есть критика, но это неправильно, ибо кто одобряет, тот одобряет, а кто молчит, тот молчит.* [Аркадий Львов. Двор (1981)]

7. Заключение

В статьях, которые включены в настоящую диссертацию, обсуждаются языковые тавтологии и противоречия и проводится анализ стратегий их интерпретации. Рассматривается роль общего знания и его разновидностей, к которым могут отсылать тавтологии, риторические отношения, в которые вступают конструкции, их взаимодействие с модификаторами различных типов, разграничение отрицательных тавтологий и противоречий, а также сочетания одинарных тавтологий между собой.

Во втором разделе представлена классификация различных типов общего знания, к которым отсылают тавтологические конструкции, в соответствии с комбинациями значений трех бинарных признаков: (а) экстралингвистическое vs. метаязыковое знание; (б) дескриптивное vs. прескриптивное знание; (в) повсеместное vs. локальное знание. Показано, что при отсылке к экстралингвистическому знанию для двух других признаков допустимы оба значения, а метаязыковые тавтологии, напротив, не могут отсылать к дескриптивному и локальному знанию и используются как общеязыковые правила. Также демонстрируется возможность употребления конструкций говорящим, когда общее знание отсутствует. Наконец, выявлено, что тавтологии могут отсылать к постоянным, стабильным свойствам, но не к временным состояниям референта.

В третьем разделе проведен анализ риторических отношений, в которые вступают тавтологии. Выявлено, что конструкции используются как второй, решающий аргумент в риторическом отношении *Контраста*, а также в качестве обоснования в отношении *Объяснения* и *Результата*. Далее показано, что тавтологии вступают в отношение *Детализации*, когда за конструкцией следует фрагмент, эксплицирующий передаваемое сообщение, а значит, имплицитная передача информации не является основной функцией конструкции.

В четвертом разделе обсуждается взаимодействие тавтологий с модификаторами различных типов и их вклад в общую интерпретацию. Выявлено, что оценочные предложные группы используются, когда референт разделяет позицию, выраженную тавтологией, а группы функционального стандарта указывают, что ситуация, описываемая конструкцией, имеет место в отношении индивида независимо от его выбора. Тавтологии с пространственно-временными модификаторами получают собственно локативную / временную либо эпистемическую интерпретацию; также возможны случаи, когда модификация подвергается только первый элемент конструкции. Кроме того, показано, что универсальные кванторы и группы функционального стандарта указывают на прочтение конструкции как глубинной тавтологии.

В пятом разделе рассмотрены структуры с повторами и отрицанием вида *Лето уже не лето*. Показано, что для данных структур можно выделить два класса: отрицательные тавтологии, где исходная тавтологическая конструкция подвергается отрицанию, и противоречия, где обращения к тавтологии не требуется и возможны три стратегии интерпретации, в рамках которых тождественные языковые выражения отсылают к одному референту с разным набором свойств; двум разным референтам с одинаковым набором контекстно-релевантных свойств; двум разным референтам с разным набором свойств.

В шестом разделе рассматриваются сопоставительные тавтологии вида *Книга – это книга, а фильм – это фильм*. Выявлено, что наиболее естественное для сопоставительных тавтологий значение контраста, с одной стороны, может быть передано сочетаниями одинарных тавтологий с союзной и бессоюзной связью, причем такие сочетания могут включать два и более элемента, а с другой стороны, не является единственно возможным. Это позволяет сделать вывод о композициональной природе сопоставительных тавтологий.

Список литературы

- Апресян, Ю. Д. Коннотации как часть прагматики слова // Избранные труды. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. С. 281–304.
- Апресян, Ю. Д., Богуславский, И. М., Иомдин, Л. Л., Санников В. З. Теоретические проблемы русского синтаксиса: Взаимодействие грамматики и словаря. М.: Языки славянских культур, 2010.
- Апресян, В. Ю. День в день, час в час, минута в минуту: темпоральные синтаксические фраземы в русском языке // Слово и язык. Сборник статей к 80-летию академика Ю. Д. Апресяна / под ред. И. М. Богуславского, Л. Л. Иомдина, Л. П. Крысина. Москва: Языки славянских культур, 2011. С. 27–40.
- Баранов, А. Н., Добровольский, Д. О. Идиоматичность дублетных форм // Вопросы языкознания. Вып. 6. 2019. С. 51–67.
- Богуславская, О. Ю. Конструкции с временными словами // Scando-Slavica. Вып. 1 (65), 2019. С. 62–76.
- Богуславский, И. М. Исследования по синтаксической семантике. М.: 1985.
- Богуславский, И. М., Вилинбахова, Е. Л. Имена собственные в сфере действия метаязыкового отрицания // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Вып. 21. 2022. С. 132–140.
- Бондарко, А. В. Теория значения в системе функциональной грамматики: на материале русского языка / Рос. Академия наук, Институт лингвистических исследований. М.: Языки славянской культуры, 2002.
- Булыгина, Т. В., Шмелёв, А. Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М.: Школа «Языки русской культуры», 1997.
- Вилинбахова, Е. Л. Конструкции с лексическими повторами как эвиденциальные стратегии // Verus convictor, verus academicus. К 70-летию Николая Николаевича Казанского / под ред. М. Л. Кисилиера. СПб.: ИЛИ РАН, 2022. С. 100–109.
- Вилинбахова, Е. Л. Сравнительные конструкции с тождественными словоформами в русском языке // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Вып. 20. 2021. С. 1224–1232.
- Вилинбахова, Е. Л. Что будет, то (и) будет: об одном классе тавтологических конструкций в русском языке // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Вып. 17. 2018. С. 775–790.
- Вилинбахова, Е. Л. Когда статья – это не статья: «отрицательные тавтологии» в русском языке // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. 2017. Вып. 16, т. 2. С. 441–452.
- Вилинбахова, Е. Л. Как говорится, статья есть статья: некоторые аспекты функционирования тавтологий в коммуникации // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Вып. 15. 2016. С. 817–829.
- Вилинбахова, Е. Л. Сопоставительные тавтологии в русском языке // Вопросы языкознания. 2016. Вып. 2. С. 61–74.
- Вилинбахова, Е. Л. Статья значит статья: об одном классе тавтологических конструкций в русском языке // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. 2015. Вып. 14, т. 1. С. 626–637.

- Вилинбахова, Е. Л. К вопросу о тавтологической конструкции вида кошачья кошка в интернет-источниках (на материале русского языка) // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. Вып. VI. № 3. 2010. С. 26–30
- Вилинбахова, Е. Л., Копотев, М. В. "X есть X" значит "X – это X"? Ищем ответ в синхронии и диахронии // Вопросы языкознания. Вып. 3. 2017. С. 110–124.
- Воейкова, М. Д. Тавтологические двусоставные конструкции // Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (<http://rusgram.ru>). М., 2011.
- Гаочэнь, Л., Маркасова, Е. В. Я есть я (идентичность и коммуникация) // Коммуникативные исследования. № 4 (8). 2021. С. 701–716.
- Гилярова, К. А. Такая девочка-девочка. Семантика редупликации существительных в русской разговорной речи и языке интернета // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Вып. 9 (16). 2010. С. 90–96.
- Гращенков, П. В., Кобозева, И. М. Семантические классы и управление прилагательных // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Вып. 16 (23), т. 2. М., 2017. С. 134–149.
- Зевахина, Н. А., Оскольская, С. А. Какая-никакая, а Всемирная паутина: конструкции с «редуплицированными» уступительными местоимениями в русском языке // // Современный русский язык в интернете / под ред. Я. Э. Ахапкиной, Е. В. Рахилиной. М.: Языки славянской культуры, 2014. С. 202–221.
- Израэли, А. Номинативные тавтологии в русском языке. Доклад на XVI Международном конгрессе славистов. Белград, 2018.
- Иомдин, Б. Л. Загугли в Дале. Словари в интернет-дискуссиях // Современный русский язык в интернете / под ред. Я. Э. Ахапкиной, Е. В. Рахилиной. М.: Языки славянской культуры, 2014. С. 114–132.
- Иомдин, Л. Л. Как нам быть с конструкциями типа *как быть?* // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Вып. 16 (23). 2017. С. 161–175.
- Иомдин, Л. Л. *Читать не читал, но...*: об одной русской конструкции с повторяющимися словесными элементами // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Вып. 12 (19). 2013. С. 309–322.
- Касевич, В. Б. Буддизм. Картина мира. Язык. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2004.
- Кибрик, А. А. Дискурс // Введение в науку о языке / А. Е. Кибрик и др.; под ред. О. В. Федоровой, С. Г. Татевосова. М.: Буки Веди, 2019. С. 153–156.
- Клубков, П. А. Иванов, Петров, Сидоров // "Чужое имя" (Альманах Канун, выпуск 6). СПб, 2001. С. 273–293.
- Кобозева, И. М. Немец, англичанин, француз и русский: выявление стереотипов национальных характеров через анализ коннотаций этнонимов // Вестник МГУ. Филология. Вып. 3. 1995. С. 102–117.
- Копотев, М. В., Стексова Т. И. Исключение как правило: переходные единицы в грамматике и словаре. Москва: Языки славянских культур, 2016.
- Котта Рамузино, П. Мужик как мужик: Об одной сравнительно-тавтологической конструкции в русском языке // Scando-Slavica. Вып. 1 (65), 2019. Р. 42–61.
- Крюкова, А. В. Конструкции с лексическими повторами и общие фоновые знания: разновидности и

- ограничения // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Вып. 19 (26). 2020. С. 1025–1035.
- Крючкова, О. Ю. Вопросы лингвистической трактовки лексической редупликации в редупликации в русском языке // Русский язык в научном освещении, № 2 (8), 2004. С. 63–86.
- Левонтина, И. Б. Уж кто-кто (об одной конструкции малого синтаксиса) // Русистика на пороге XXI века: проблемы и перспективы. Москва : ИРЯ РАН, 2003. С. 116–120.
- Литвиненко, О. А., Подлеская, В. И., Кибрик, А. А. Анализ рассказов о сновидениях с точки зрения иерархической структуры дискурса // Рассказы о сновидениях. Корпусное исследование устного русского дискурса / под ред. А. А. Кибрика, В. И. Подлеской. М.: Языки славянских культур, 2009.
- Падучева, Е. В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью. М.: Наука, 1985.
- Падучева, Е. В. Динамические модели в семантике лексики. М.: Школа «Языки славянской культуры», 2004.
- Плунгян, В. А., Рахилина, Е. В. «Тушат-тушат — не потушат»: грамматика одной глагольной конструкции // Исследования по глаголу в славянских языках: глагольная лексика с точки зрения семантики, словообразования, грамматики / под ред. В. Змарзер, Е.В. Петрухиной. М.: Филология, 1996. С. 106–115.
- Рахилина, Е. В. (ред.). Лингвистика конструкций. М.: Азбуковник, 2010.
- Сатюкова, Д. Н. О повторе предлогов перед однородными определениями в русском языке: опыт корпусного анализа // Acta Linguistica Petropolitana. т. XII, ч. 1. 2015. С. 469–512.
- Татевосов, С. Г. Эвиденциальность и абдукция // Сборник статей к 85-летию В.С. Храковского / под ред. Д. В. Герасимова, С. Ю. Дмитренко, Н. М. Заики. М.: ЯСК, 2019. С. 463–495.
- Урысон, Е. В. Об одном типе русских предложений тождества (*Платье и платье, ничего особенного*) // От семантических кварков до вселенной в алфавитном порядке. К 90-летию академика Юрия Дерениковича Апресяна / под ред. Л. Л. Иомдина, И. М. Богуславского. Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН. Москва : ИРЯ РАН, 2020. С. 104–115.
- Шахматов, А. А. Синтаксис русского языка. М.: Эдиториал УРСС, 2001.
- Шведова, Н. Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М.: Издательство Академии наук СССР, 1960.
- Шеманаева, О. Ю. Конструкция «праздник не в праздник» на фоне других конструкций // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Вып. 9 (16). 2010. С. 578–583.
- Anand, P. Kinds of taste. Ms., UCSC, 2009.
- Apresjan, V. Russian Constructions with Syntactic Reduplication of Colour Terms: A Corpus Study // Russian Journal of Linguistics. Vol. 3 (22), 2018. P. 653–674.
- Asher, N., Lascarides, A., Logics of Conversation. Cambridge: Cambridge University Press, Cambridge, 2003.
- Asher, N., Vieu, L., Subordinating and coordinating discourse relations // Lingua. Vol. 115. 2005. P. 591–610.
- Autenrieth, T. Tautologien sind Tautologien // Pragmatik. Implikaturen und Sprechakte / ed. by E. Rolf. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1997. P. 12–32.
- Bréal, M. Essai de Sémantique. Paris: Hachette, 1897.
- Brédart, S. Names and Cognitive Psychology // The Oxford Handbook of Names and Naming / ed. by C. Hough.

- Oxford: Oxford University Press, 2016. [electronic version]
- Bulhof, J., Gimbel, S. A Tautology is a tautology (or is it?). *Journal of Pragmatics*. Vol. 36 (5). 2004. P. 1003–1005.
- Bulhof, J., Gimbel, S. Deep tautologies // *Pragmatics and Cognition*. Vol. 9 (2). 2001. P. 279–291
- Burton-Roberts, N. *The Limits to Debate: A Revised Theory of Semantic Presupposition*. Cambridge: Cambridge University Press, 1989.
- Bylinina, L. Functional standards and the absolute / relative distinction // *Proceedings of Sinn und Bedeutung* 16. 2012. P. 141–157.
- Bylinina, L. Judge-dependence in degree constructions // *Journal of Semantics*. Vol. 34 (2). 2017. P. 291–331.
- Bylinina, L. *The grammar of standards: Judge-dependence, purpose-relativity, and comparison classes in degree constructions*. Ph. D. thesis. Utrecht: Utrecht Institute of Linguistics OTS, 2014.
- Carlson, G. *Reference to Kinds in English* // Ph.D. thesis. Amherst: University of Massachusetts, 1977.
- Carlson, G. Truth conditions of generic sentences: two contrasting views // *The Generic Book* / ed. by G. Carlson, F. J. Pelletier. Chicago: Chicago University Press, 1995. P. 224–237.
- Carston, R. Metalinguistic negation and echoic use // *Journal of Pragmatics*. Vol. 25 (3). 1996. P. 309–330.
- Chapman, S. Some observations on metalinguistic negation // *Journal of Linguistics*. Vol. 32 (2). 1996. P. 387–402.
- Cohen, A. Genericity // *The Cambridge handbook of formal semantics* / ed. by M. Aloni, P. Dekker. Cambridge: Cambridge University Press, 2016. P. 285–310.
- Cohen, A. On the Generic Use of Indefinite Singulars // *Journal of Semantics*. Vol. 18(3). 2001. P. 183–209.
- Douven, I. Abduction // *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* (Summer 2021 Edition) / ed. by E. N. Zalta. Available at: <https://plato.stanford.edu/archives/sum2021/entries/abduction/>.
- Endresen, A. *Ну работа и работа: Russian constructions with reduplication*. Доклад на семинаре Seminar in Russian and Russian Studies, Тромсе, 2019.
- Escandell-Vidal, V. Nominal tautologies in Spanish. Paper presented at the International Conference on Pragmatics (IPRA). 1990. Barcelona, Spain.
- Escandell-Vidal, V. Tautologías nominales y conocimiento compartido // *El conocimiento compartido: Entre la pragmática y la gramática*. (Beihefte zur Zeitschrift für romanische Philologie. Bd. 452.) / ed. por S. Rodriguez Rosique, J. M. Antolí Martínez. Berlin/Boston: de Gruyter, 2020. P. 63–82.
- Escandell-Vidal, V., Vilinbakhova, E. Coordinated tautologies in Spanish and Russian // *Intercultural Pragmatics*. Vol. 15, № 3. 2018. P. 315–348.
- Escandell-Vidal, V., Vilinbakhova, E. Negated tautologies and copular contradictions Interpretive strategies // *International Review of Pragmatics*. Vol. 11, № 2. 2019. P. 153–199.
- Escandell-Vidal, V., Vilinbakhova, E. Contexto, conocimiento compartido y acomodación. A propósito de la interpretación de las tautologías // *Boletín de Filología*. Vol. 57. 2022. P. 345–394.
- Feldstein, R. F. On Russian Concessive-Adversative Constructions with Pronominal Reduplication of the Type “Уж чем-чем, а этим его не удивишь” // *Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова*. Вып. 11. 2016. P. 329–342.
- Fraser, B. Motor Oil Is Motor Oil. An Account of English Nominal Tautologies // *Journal of Pragmatics*. Vol.

12(2). 1988. P. 215-20.

Fujita, T. Une femme est une femme – X ÊTRE X koubun kaisyaku no kokorumi (Un essai d'interprétation des constructions X ÊTRE X) // *Bulletin d'Études de Linguistique Française*. Vol. 22. 1988 P. 15–34.

Geurts, B. The mechanisms of denial // *Language*. Vol. 74: 1998. P. 274–307.

Gibbs, R. W., McCarrell N, S. Why boys will be boys and girls will be girls: understanding colloquial tautologies // *Journal of Psycholinguistic Research*. Vol. 19. 1990. P. 125–145.

Giora, R. On the accessibility of negated concepts // *Explorations in Pragmatics: Linguistic, Cognitive and Intercultural Aspects* / ed. by . Kecskes and L. R. Horn. Berlin and New York: Mouton de Gruyter, 2007. P. 135–137.

Grice, P. Logic and conversation // *Syntax and Semantics 3: Speech Acts* / ed. by P. Cole, J.L. Morgan. New York: Academic Press. P. 41–58.

Hobbs, J. R., On the Coherence and Structure of Discourse. Technical Report CSLI-85–37. Stanford, CA: Stanford University, Center for the Study of Language and Information, 1985.

Horn, L. The natural history of negation. Chicago: The University of Chicago Press, 1989.

Janda, L., Kopotev, M., Nessel, T. Constructions, their families and their neighborhoods: the case of дурак дураком 'a fool times two' // *Russian Linguistics*. Vol. 44. 2020. P. 109–127.

Jasinskaja, K., Zeevat, H., Explaining conjunction systems: Russian, English, German // *Proceedings of Sinn und Bedeutung 13*, Stuttgart: University of Stuttgart, 2009. P. 231–246.

Jasinskaja, K. Corrective contrast in Russian, in contrast // *Oslo Studies in Language 2* (2). P. 433–466.

Jasinskaja, K., Karagjosova, E. Rhetorical Relations // *The Blackwell Companion to Semantics* / ed. by D. Gutzmann, L. Matthewson, C. Meier, H. Rullmann, T. E. Zimmermann. Oxford: Wiley-Blackwell, 2021. [electronic version]

Kagan, O., Alexejenko, S. Degree modification in Russian morphology: The case of the suffix '-ovat' // *Israeli Association for Theoretical Linguistics (IATL)*. Vol. 26. 2010. Available at: http://linguistics.huji.ac.il/IATL/26/Kagan_Alexeyenko.pdf.

Kehler, A. Coherence, Reference, and the Theory of Grammar. Stanford, CA: CSLI Publications, 2002.

Kennedy, C. Two sources of subjectivity: Qualitative assessment and dimensional uncertainty. *Inquiry*, Vol. 56. 2013. P. 258–277.

Knott, A. A Data-Driven Methodology for Motivating a Set of Coherence Relations. Unpublished PhD thesis. Edinburgh: University of Edinburgh, 1996.

Knott, A. Sanders, T. The Classification of Coherence Relations and their Linguistic Markers: An Exploration of Two Languages // *Journal of Pragmatics*. Vol. 30. 1998. P. 135–175.

Krifka, M. Definitional generics // *Genericity* / ed. by A. Mari, C. Beyssade, F. del Prete. Oxford: Oxford University Press, 2013. P. 372–389.

Kripke, S. Naming and Necessity // *Semantics of Natural Language* / ed. by D. Davidson, G. Harman, G. 2nd edn. Dordrecht/Boston: Reidel, 1972. P. 253–355

Kwon, I. Categorization and its embodiment: Korean tautological constructions in mental spaces theory // *Language Sciences*. Vol. 45: 2014. P. 44–55.

- Larrivé, P. Metalinguistic Negation from an informational perspective // *Glossa: a journal of general linguistics*. Vol. 3(1): 56. 2018. P. 1–22. Available at <https://www.glossa-journal.org/articles/10.5334/gjgl.403/>
- Lascarides, A., Asher, N., Agreement, disputes and commitment in dialogue // *Journal of Semantics*. Vol. 26(2). 2009. P. 109–158.
- Lasersohn, P. Context dependence, disagreement, and predicates of personal taste // *Linguistics and Philosophy*. Vol. 28. 2005. P. 643–686.
- Lawler, J. *Studies in English generics* // *University of Michigan Papers in Linguistics*, 1(1), Ann Arbor: University of Michigan Press, 1973.
- Leslie, S.-J., Lerner, A. Generic Generalizations // *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* / ed. by E. N. Zalta. 2016. Available at: <https://plato.stanford.edu/archives/win2016/entries/generics/>.
- Levinson, S. *Pragmatics*. Cambridge: Cambridge University Press, 1983.
- Levinson, S. *Presumptive meanings: The theory of generalized conversational implicature*. Cambridge, MA: The MIT Press, 2000.
- Maienborn, C., Schäfer, M. Adverbs and adverbials // *Semantics. An International Handbook of Natural Language Meaning* / ed. by C. Maienborn, K. von Stechow, P. Portner. Berlin: Mouton de Gruyter, 2011. P. 1390–1420.
- Maienborn, C. On the position and interpretation of locative modifiers // *Natural Language Semantics*. Vol. 9, 2001. P. 191–240.
- Mann, W. C., Thompson S. *Rhetorical Structure Theory: Toward a functional theory of text organization*. Text. Vol. 8. 1988. P. 243–281.
- McNally, L. The relative role of property type and scale structure in explaining the behavior of gradable adjectives // *Papers from the ESSLLI 2009 Workshop on Vagueness in Communication*. Vol. 6517. *Lecture Notes in Artificial Intelligence*. Berlin: Springer, 2011. P. 151–168.
- Meibauer, J. Tautology as presumptive meaning // *Pragmatics and Cognition*. Vol. 16. 2008. P. 439–470.
- Mel'čuk, I. The Russian Idiom Kto-Kto, A... // *Russian Linguistics*. Vol. 1 (44). 2020. P. 13–20.
- Miki, E. Evocation and tautologies // *Journal of Pragmatics*, Vol. 25. 1996. P. 635–648.
- Mill, J. S. *A System of Logic*. London: Longman, 1843.
- Milsark, G. *Existential Sentences in English*. Cambridge: Ph.D. thesis. MIT, 1974.
- Moeschler, J. A set of semantic and pragmatic criteria for descriptive vs. metalinguistic negation. *Glossa: a journal of general linguistics*. Vol. 3(1): 56. 2018. P. 1–30. Available at: <https://www.glossa-journal.org/articles/10.5334/gjgl.439/>
- Mohammadian, M. Abduction—the context of discovery + underdetermination – inference to the best explanation // *Synthese*. Vol. 198. 2021. P. 4205–4228.
- Moltmann, F. Relative truth and the first person. *Philosophical Studies*. Vol. 150, 2010. P. 187–220.
- Ninan, D. Taste predicates and the acquaintance inference // *Proceedings of SALT 24*. 2014. P. 290–309.
- Okamoto, S. Nominal repetitive constructions in Japanese: The tautology controversy revisited // *Journal of Pragmatics*. Vol. 20. 1993. P. 433–466.
- Paillard, D., Плу́нгян, В. А. Об одном типе конструкций с повтором глагола в русском языке // *Russian Linguistics*. Vol. 17. 1993. P. 263–277.

- Pearson, H. A judge-free semantics for predicates of personal taste // *Journal of Semantics* Vol. 30(1).2013. P. 103–154.
- Rhodes, R. A Cross-linguistics comparison of tautological constructions with special focus on English. 2009. Available at: http://www.linguistics.berkeley.edu/~russellrhodes/pdfs/taut_qp.pdf.
- Sakai, T. Connexions trans-spatiales et énoncés tautologiques en japonais. PhD thesis. Paris: University of Paris 8, 2004.
- Sakai, T. Contextualizing tautologies: from Radical Pragmatics to meaning eliminativism. // *English Linguistics*. Vol. 29–1. 2012. P. 38–68.
- Snider, T. Using tautologies and contradictions // *Proceedings of Sinn und Bedeutung* 19. 2015. P. 590-607.
- Solt, S. Multidimensionality, subjectivity and scales: experimental evidence // *The Semantics of Gradability, Vagueness, and Scale Structure* / ed. by E. Castroviejo, L. McNally, G. Weidman Sassoon. Heidelberg: Springer, 2018. P. 59–91.
- Stephenson, T. Judge dependence, epistemic modals, and predicates of personal taste // *Linguistics and Philosophy*. Vol. 30. 2007. P. 487–525.
- Stojanovic, I. Talking about taste: Disagreement, implicit arguments, and relative truth // *Linguistics and Philosophy*. Vol. 30. 2007. P. 691–706.
- Taboada, M. *Building Coherence and Cohesion: Task-oriented Dialogue in English and Spanish*. Amsterdam, John Benjamins, 2004.
- Tiskin, D. Bound Readings in Russian Clauses with Lexical Repetitions. Talk given at the conference “Typology of Morphosyntactic Parameters 11”, Pushkin Russian Language Institute, Lomonosov Moscow State University, Institute of Linguistics RAS, October 13–15, 2021. Available at <https://www.academia.edu/58051170>.
- Umbach, C. On the Notion of Contrast in Information Structure and Discourse Structure // *Journal of Semantics*. Vol. 21 (2), 2004. P. 155–175.
- Van Langendonck, W., Van de Velde, M. Names and Grammar // *The Oxford Handbook of Names and Naming* / ed. by C. Hough. Oxford: Oxford University Press, 2016. [electronic version]
- Vilinbakhova, E., Escandell-Vidal, V. “People are people to me”: The interpretation of tautologies with frame-setters // *Journal of Pragmatics*. Vol. 143. 2019. P. 96–108.
- Vilinbakhova, E., Escandell-Vidal, V. Interpreting nominal tautologies: Dimensions of knowledge and genericity // *Journal of Pragmatics*. Vol. 160. 2020. P. 97–113.
- Vilinbakhova, E., Escandell-Vidal, V. Tautologies with proper names in discourse: Rhetorical relations and interpretation // *Language and Communication*. Vol. 76. 2021. P. 79–99.
- Vilinbakhova, E., Escandell-Vidal, V., Zevakhina N. Tautologies, inferential processes and constraints on evoked knowledge // *Journal of Pragmatics*. Vol. 191. 2022. P. 55-66.
- Ward, G., Hirschberg, J. A pragmatic analysis of tautological utterances // *Journal of Pragmatics*. Vol. 15. 1991. P. 507–520.
- Wierzbicka, A. Boys will be boys: ‘Radical semantics’ vs. ‘Radical pragmatics. *Language*. Vol. 63. 1987. P. 95–114.
- Wierzbicka, A. *Cross-cultural pragmatics: the semantics of human interaction*. Berlin and New York: Mouton

de Gruyter, 1991.

Zeevat, H. Rhetorical relations // *Semantics. An International Handbook of Natural Language Meaning* / ed. by C. Maienborn, K. von Stechow, P. Portner. Berlin: Mouton de Gruyter, 2011. P. 946–970.